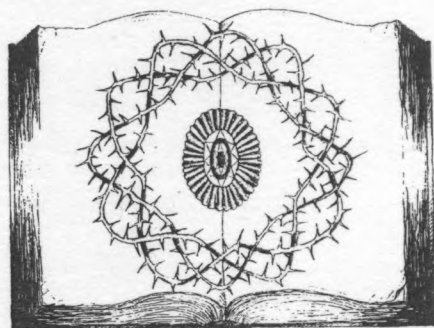

№ 7 (136)
1995 г.

A. Buevich

ГОСИИЗДАНИЕ СССР

МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 7 (136)

1995 г.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

(† 2 июня ст.ст. 1915 г.)

1915

1995

ПОЛК

ЧАСОВОМУ

Взят от сохи, полей вчерашний житель,
Ты на часах сегодня, рядовой,
Недремлющий терпенья выразитель,
Неколебим, могуч и тверд душой.

Предстань тебе крылатый небожитель
И повели с поста сойти долой, —
Не внял бы ты: лишь тот твой повелитель,
Чьим словом здесь стоишь ты, часовой.

Твоя рука оружия не положит,
Тебя ничто лишить его не может,
Ты лишь Царю отдать его готов.

В глазах толпы пусть твой удел ничтожен.
Нет! На тебя великий долг возложен:
Здесь на посту ты Божий да Царев!

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою! *
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере Православной
В едином слове том сливается: наш полк!

*) Вариант [для кавалерийских полков]:

О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славою увенчанный в бою!

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАВАЛЕРИИ

Публикуемый очерк штабс-ротмистра 1-го гусарского Сумского полка Сергея Васильевича Вакара, рукопись которого была любезно предоставлена «Военной Были» Н.Л.Казанцевым, по-видимому, представляет собой один из подготовительных материалов для истории полка (Сумские гусары. 1651 — 1951. Буэнос-Айрес, 1954). Эпизод с переменной полковой формы в 1882 и 1907 годах излагается там явно по тексту заметок С.В. Вакара (стр. 47, 58 — 59, 94, 125). Однако рассредоточением материала по разным местам повествования была разрушена целостность и индивидуальность очерка, причем утеряно было и несколько ярких штрихов, — не говоря уже о том, что сама книга «Сумские гусары» сегодня является библиографической редкостью. Все эти соображения и побудили нас предложить вниманию читателей очерк штабс-ротмистра Вакара в его авторской редакции.

Нагрудный знак 1-го гусарского Сумского Генерала Сеславина полка

1-й гусарский Сумский полк стал 3-м драгунским; 2-й л.-кирасирский Псковский полк стал 4-м л.-драгунским; 2-й л.-уланский Курляндский полк стал 5-м л.-драгунским; 2-й лейб-гусарский Павлоградский полк стал 6-м лейб-драгунским и т.д. — Всем армейским кавалерийским полкам дана была только драгунская форма.

Итак, Сумский полк, если вычесть 13 лет пребывания на службе легкоконным полком, 103 года был гусарским. Гусарский доломан полк носил в

лучшие годы своей боевой жизни, и с этим доломаном были связаны воспоминания выдающихся его подвигов.

Переход из гусар в драгуны был встречен офицерами очень неодобрительно и привел даже к переменам в офицерском составе.

Командир полка того времени, полковник Клюге-фон-Клюгенау, на вопрос военного министра Ванновского, сожалеет ли полк о своем старом доломане, ответил: «Хоть полк и сожалеет о своем гусарском доломане, но дух гусарский останется в нем навсегда, и если-бы Сумскому драгунскому полку пришлось быть в деле, то противник узнал-бы в нем старый гусарский полк».

Офицер и унтер-офицеры Сумского драгунского полка с полковым штандартом. (Иллюстрация из книги ротмистра П.П. Голодолинского «История 3-го драгунского Сумского Его Королевского Высочества Наследного Принца Датского полка. Часть III. — М., 1902)»

Одновременно с переменой названий, в драгунских полках стали уделять много внимания пешему строю, ружейным приемам и винтовке, превращая драгун в едущую пехоту, в ущерб кавалерийскому духу, так что даже в «Школьной Звериаде»* стали петь:

*«Прошло минувшее как сон,
И станет ротой эскадрон».*

Офицеры гусарских полков были в большинстве из дворянских семей. По традиции их отцы и деды тоже служили в гусарах, и альбомы и стены их усадеб были полны портретами предков в гусарских доломанах.

Художественная литература в повестях и романах часто избирала героями гусар. У Пушкина — «Выстрел», «Станционный смотритель», «Метель» и масса эпиграмм на гусарские темы; у гр. Толстого — граф Ростов, Денисов («Война и мир»), «Два гусара»; у Дениса Давыдова — «Я люблю кровавый бой», «Где гусары прежних лет?» У Лермонтова стихи и гусарские эпиграммы, — и всюду красной нитью проходит: «Днем служба царская, а ночь гусарская». Лучшими друзьями Пушкина были гусары, в том числе Лермонтов, Грибоедов, Давыдов**. Герои Отечественной войны: Сеславин, Дорохов, Кульнев, Фигнер и др. были офицерами гусарских полков, и первые три вышли из Сумского полка.

Не по душе гусарам и уланам пришлось новые форма и наименования. Многие офицеры Сумского полка покинули полк. Как последний молчали-

* Имеется в виду выпускная песня Николаевского Кавалерийского училища («Славной Школы»). Свои «Звериады» существовали и в других военных училищах и кадетских корпусах. — *Ред.*

** Эта ошибка (скорее — описка) была исправлена в полковой истории: «Лучшие друзья Пушкина были гусары. Лермонтов, Грибоедов, Давыдов служили в гусарских полках» (Сумские гусары. — Стр. 59). — *Ред.*

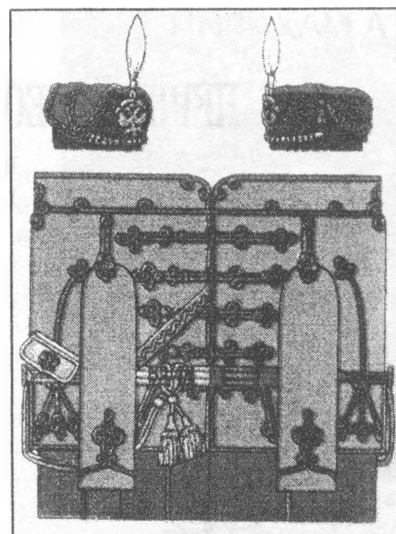
вый протест, — фотография у задохшего и надломленного дуба: на левой стороне офицеры в венгерках, а на правой, в том же порядке, но уже в драгунских мундирах.

6-го декабря 1907 года Император Николай II, к которому неоднократно обращались кавалерийские начальники с ходатайством вернуть

кавалерийским полкам их исторические наименования и форму, удовлетворил это ходатайство, и бывшие уланские и гусарские полки получили старые названия, бывшие же кирасирские полки остались драгунскими, с некоторыми отличиями от коренных драгунских полков по форме.

После этого офицеры Сумского полка снова снялись группой, в возобновленной, голубой гусарской форме, но на этот раз не под сухим и надломленным, а под пышным, кудрявым, зеленым, развесистым дубом. Эти две фотографии были повешены рядом, в полковом офицерском собрании в Москве.

Аналогичное отношение к переименованию всех армейских кавалерийских полков в драгунские было, вероятно, проявлено и в остальных гусарских и уланских полках.

Гусарская форма, возвращенная Сумскому полку в 1907 году. (Из «Таблиц форм обмундирования Русской Армии», составленных полковником В.К.Шенком в 1910 г.)

ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР РУССКОЙ АВИАЦИИ

К 110-летию со дня рождения В.М. Ткачева
1885 — 24 сентября старого стиля — 1995

Знак военного летчика
(носился на погонах)

В мае 1915 года в петроградском издательстве Сойкина вышел в свет Ежегодник Императорского Всероссийского Аэроклуба — «Воздушный справочник». От предыдущих выпусков он

отличался тем, что к уже привычным разделам была добавлена рубрика «Летопись воздушной войны». Бессменный редактор Ежегодника и признанный знаток Воздушного флота К.Е. Вейгелин поместил в ней перечень сведений о великом множестве событий, так или иначе касающихся боевых действий в новой для воюющих армий стихии. Вероятно, по обстоятельствам военного времени, в «Летописи» не указывалось имен «виновников событий», и может быть, именно поэтому Константин Евгеньевич специально оговаривал, что «эта сводка — по многим причинам — является далеко не полной. Тем не менее и такая хронология может дать понятие о характере современной войны в воздухе».

Безымянность персонажей «Летописи» нарушается всего лишь дважды (на добрых полсотни эпизодов!). Нельзя было, перечисляя ратные дела авиаторов, не упомянуть фамилии П.Н. Нестерова — неповторимая доблесть и высочайшая жертвенность возводили этого незаурядного летчика в ранг национального героя. Естественно, что опустить имя легендарного авиатора составитель не мог.

А другим «расшифрованным» воздушным героем первого года Великой войны стал (непостижимая прихоть Истории!) однокашник Нестерова по кадетскому корпусу — Вячеслав Матвеевич Ткачев... Текст «Летописи» гласит: «12/VIII [1914]. Русский летчик (подъесаул Ткачев) произвел блестящую разведку из Люблина в тыл и фланги противника. Сильно обстрелянный противником, с пробитым бензиновым¹ баком, он, однако, благополучно вернулся обратно, сумев ногой заткнуть отверстие в резервуаре. Этот подвиг награжден орденом Св. Георгия»².

... И отзовется вам, в небо летавшим,
Родина сердцем своим...
Кн. Ф.Н. Касаткин-Ростовский
«Русским летчиком»

Зная Вейгелина как наиболее сведущего (из современных ему) авиационного обозревателя и историка, любой интересовавшийся тогдашней авиатикой человек мог сделать из этого сообщения единственно возможный вывод: полет Ткачева выходит за рамки обычного. И действительно, воздушная разведка, произведенная 12 августа 1914 года Начальником XX-го корпусного авиотряда, была **беспрецедентной** по целому ряду аспектов.

Известно, что в тот день трижды (по меньшей мере) пришлось Вячеславу Ткачеву докладывать об увиденном над неприятельским расположением: Начальнику 18-ой пехотной дивизии, Начальнику разведывательного отделения Штаба IV-ой армии и Командующему армией. Кроме того, им было собственноручно написано на девятнадцати листах полевой книжки донесение Генерал-квартирмейстеру Штаба армии о полете. Доживший, к счастью, до наших дней документ³ заслуживает быть приведенным здесь полностью.

«Ген[ерал]-кв[артирмейстеру] Шт[аба] IV армии
1914 года 12 Августа месяца 12 часов утра
№ 3 из г[орода] Люблина

Сего числа мною произведена разведка по маршруту: Люблин — Белжице — Ополе — Юзефов — Анополь — Боров — Госцерадов — Уржендов — Красник.

Вылетов в 9 ч[асов] утра, я поднялся на высоту 900 м. Погода была благоприятная для наблюдения.

Разведка обнаружила: Юзефов занят небольшим отрядом пехоты противника. Его кавалерия — ок[оло] 3-х полков — находилась в 2 — 3 верстах на Ю[го]-В[осток] от дер[евни] Юзефов.

Анополь занят пехотой противника; силы трудно было определить, вследствие хорошей маскировки ее под деревьями, у построек. По аппарату был открыт ружейный огонь.

От дер[евни] Мнишек большое движение обозов к Анополью. Восточнее Анополя по дороге, идущей на Север, заметил движение походной колонны.

Рассчитывая рассмотреть ее более подробно (для определения силы, состава и направления движения) на обратном пути, я полетел на Юг, чтобы

обследовать ее тыл.

У Янишева, Рокувка и Борова — большие биваки пехоты и обозы противника. Южнее Борова движение повозок на Север.

Убедившись, что далее боевых сил противника нет, я вернулся назад обследовать походную колонну. Через несколько минут я ее нагнал.

Она была силою ок[оло] дивизии пехоты с артиллерией. Двигалась по большой дороге на Ходель. Ее авангард в 10 ч[асов] 30 м[инут] утра был на выходе [из] дер[евни] Бойска.

В Уржендове видел бригаду пехоты с артиллерией. Когда я подлетал к Уржендову, над Красническими позициями заметил разрывы шрапнели противника. Найдя разрывы от стрельбы нашей артиллерии, я определил позицию австрийцев.

Чтобы более детально осмотреть их расположение и выяснить подход резервов и обходных частей, я взял направление на левый фланг противника.

За лесом, что Западн[ее] противника, подходило около бригады, в обход нашего правого фланга. Подойдя к левому флангу противника, повернул налево и полетел вдоль позиции его. Со стороны Заклинов[а] в это время подходила колонна пехоты силою до дивизии.

У меня была высота полета ок[оло] 900 м, чувствовалось, что аппарат обстреливается сильным ружейным огнем. Пули начали попадать в аппа-

рат, не повреждая жизненных частей...

В это время я подходил к правому флангу противника. Наконец, одна пуля попала в масляный бак. Масло толстой струей (около 1 дюйма в диаметре) хлынуло из бака, и высота уровня его в контрольном стекле оч[ень] быстро стала падать... Не рассчитывая дотянуть до своих, первая мысль у меня была: — сесть

на лес, лежащий у правого фланга противника, разбить аппарат и, если останусь сам невредимым, скрыться до сумерек в лесу, а ночью пробраться к своим. — Я выключил мотор и начал планировать...

В это время у меня мелькнула другая мысль. Я снова включил мотор, бросил педаль кривления крыльев⁴, поднял левую ногу кверху и заткнул отверстие сапогом.

Повернув налево, я взял направление на наши позиции... Аппарат сильно качало от артиллерийской стрельбы, и приходилось бороться только рулями глубины и поворота⁵.

Масло, задержанное немного сапогом, медленно вытекало из бака, и по милости Божьей мне удалось дотянуть до своих.

Выключив мотор, я спланировал к нашим артиллерийским позициям.

Через несколько минут меня начали, подкрадываясь цепью, окружать наши стрелки, вероятно, боясь в моем лице встретить противника.

Желая их успокоить и предупредить от излишнего покушения на меня, я стал махать белым платком... Они пошли смелее...

Когда стрелки подошли ко мне вплотную, я спросил — какая дивизия здесь на позиции? На что получил недоверчивый взгляд и грубый ответ.

Показывая удостоверение за подписью Вашей и печатью Штаба.

Не верят...

Тогда подхожу к одному конному и с русской руганью приказываю слезть и отдать мне лошадь. Немедленно повиновался.

Оставляю у аппарата охрану, сажусь на лошадь и еду в Штаб XVIII пех[отной] дивизии⁶.

Доложив о разведке и о случившемся со мной, узнаю, что они отходят.

Получив от Нач[альни]ка дивизии разрешение взять 30 чел[овек] нижн[их] чин[ов], чтобы на руках выкатить аппарат на шоссе с позиции, еду обратно.

В.М.Ткачев. 1915 - 1916.
Из фондов ГАКК

8. <u>Лисовский Николай</u> Александрович, капитан лейтенант. Ввсп. 1875г.	Ордена св.Вар. г.в. Ч.с.п. Нах. в. 10. Сибир. ср. дивизии
9. <u>Щеголев Павел</u> Александрович, поруч. г.в.в. Ввсп. 1905г.	Ордена св.Вар. г.в. Ч.с.п. 10% по нах. Сибир. каса нах. в. в. магнотии р.с.п.
10. <u>Марева Александр</u> Матвеевич, есаул Ввсп. 1904г.	Ордена св.Вар. г.в. Ч.с.п. Ждан. в. в. в. П.в.с. в. в. в.
11. <u>Александров Петр</u> Николаевич, штабс-капитан. Ввсп. 1904г.	Ордена св.Вар. г.в. Ч.с.п. П.в.с. ср. див. И.д. нах. в. в. в. по в. в. в. в. в. ч.с.п. с. в. в. в.

Страница из тетради «Аракчеевцы на Великой Европейской войне», которая велась Музейной комиссией Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса (раздел «Георгиевские кавалеры»). Декабрь 1915. (ГАНУ. Ф. 519, оп. 477, д. 504, л. 25)

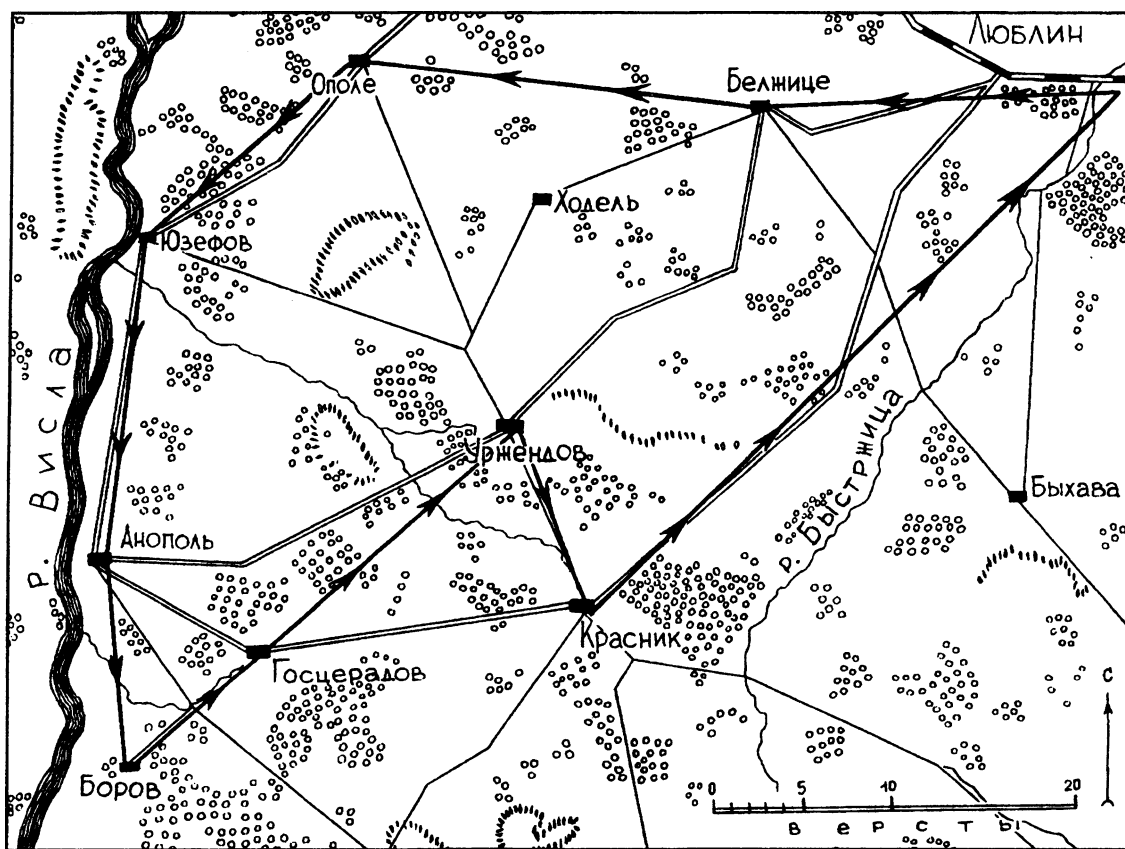

Схема разведки Военного Летчика Ткачева, выданная ему перед полетом 12 августа 1914 года (прорисована по архивному экземпляру: РГВИА. Ф. 6088, оп. 1, д. 1, л. 129)

С трудом получаю из отступающего батальона 30 человек, подъезжаю к аппарату и не нахожу возле него охраны. В крыльях и цилиндрах масса пробоин от ружейных пуль... — Охранная команда, боясь попасться в плен и не желая оставить противнику совершенно целый аппарат, расстреляла его и отступила.

Трудно было вывозить аппарат с пахотного поля на шоссе на протяжении 2-х верст. — Люди были изнурены предыдущими боями и 2-мя бессонными ночами. Волновались, обеспокоенные ружейной трескотней в соседнем лесу...

Вытянув аппарат на шоссе, привязал хвостом к патронной двуколке и двинулся с отступающими частями к Люблину.

Артиллерия противника обстреливала шоссе с дальней дистанции, почему шрапнель давала оч[ень] высокие разрывы...

В Вильколизе мною было сообщено в Штаб по телефону о результате описываемой разведки.

Вследствие отступления наших войск, не было возможности снять крылья на аппарате. При перевозке же его на протяжении 40 верст по шоссе, обсаженному деревьями, были сломаны крылья и лонжероны корпуса.

Военный Летчик Подьесаул Ткачев»

Можно предположить, что в устных рапортах (да еще и у карты!) разведчик докладывал и обстоятельнее, и точнее, нежели в письменном донесении. И эффект этих докладов был поразительный: Ставка Верховного Главнокомандующего сочла необходимым в спешном порядке передать в распоряжение Командарма IV генерала-от-инфантерии А.Е.Эверта (как раз 12 августа сменившего на этом посту генерала-от-инфантерии А.Е.Зальца), в дополнение к трем корпусам его армии (Гренадерскому, XIV-му и XVI-му) еще три из других (из IX-ой и III-ей) армий. Таким образом было подкреплено начавшееся 10 августа наступление IV-ой армии (правофланговой на Юго-Западном фронте) в общем направлении на австрийскую крепость Перемышль, замедлившееся после столкновения с I-ой австрийской армией южнее г. Красника (австрийцы, имевшие значительный перевес — 14 пехотных и 2 кавалерийских дивизии против 6,5 пехотных и 2,5 кавалерийских у Зальца, — во встречном бою вынудили русские войска начать отступление, прекращенное в районе южнее г. Люблина 14 августа). В результате австрийской армии генерала Данкля не довелось испытать триумфа войск Гинденбурга, а бои под Люблином знаменовали начало

грандиозного по масштабам Галицийского сражения, из которого победителем вышла Российская Императорская Армия...

События 12 августа не прошли для Начальника XX-го авиотряда бесследно. Его послужной список свидетельствует, что подьесаул Ткачев был «награжден приказом армиям Юго-Западного фронта от 24 ноября 1914 года за № 290, по удостоению Георгиевской кавалерской Думы, учрежденной при Штабе Главнокомандующего Юго-Западного фронта согласно приказу армиям от 8 ноября 1914 года за № 236 — орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени»⁷ (соответствующий Высочайший приказ был издан 3 февраля 1916 года). Список чинов, приложенный к приказу № 290, разъяснял, кому и за какие заслуги вручалась почетнейшая боевая награда Российской Императорской Армии; в этом списке, в частности, читаем: «20-го корпусного авиационного отряда Военному Летчику подьесаулу Вячеславу Ткачеву за то, что 12-го августа 1914 года произвел смелую и решительную разведку в районе: Люблин — Белжице — Ополе — Юзефов — Анополь — Госцерадов — Уржендов — Красник, проник в тыл и фланги неприятельского расположения и, несмотря на действительный огонь противника по аппарату, сопровождавший его в течение всего полета и повредивший жизненные части аппарата, с исключительной находчивостью, доблестным присутствием духа и беззаветным мужест-

вом выполнил возложенную на него задачу по раскрытию сил и определению направления движения колонн противника, вовремя доставил добытые разведкой сведения первостепенной важности и тем способствовал принятию стратегических решений, приведших к одержанию решительного успеха над противником»⁸. Наказный Атаман Кубанского казачьего войска генерал-от-инфантерии Бабыч приказом войску № 514 от 16 декабря 1914 года объявлял полученную им 14 декабря телеграмму Великого Князя Александра Михайловича, бывшего в то время Заведывающим авиацией и воздухоплаванием Действующей Армии: «Подьесаул Ткачев, военный летчик, Начальник двадцатого авиационного отряда, удостоился получить орден Св. Георгия. Эту высшую военную награду он заслужил за свои смелые разведки, пренебрегая своей жизнью и думая только об исполнении долга перед ЦАРЕМ и РОДИНОЙ.

Он первым из наших доблестных орлов получил это высшее отличие. Душевно радуюсь сообщить об этом славному Кубанскому казачьему войску, сыны которого не только на земле, но и в воздухе покрывают себя неувядаемой славой.

АЛЕКСАНДР»⁹

Надо заметить, однако, что приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, воздавая должное воинским качествам награжденного, не акцентирует внимания на его пилотской незаурядности. А ведь несложно представить себе,

41 Корпусный авиационный отряд.

ПОЛЕТЬ № 9.

Год, месяц, число 1914, августа 12 дня

Цель полета, задание разведка расквартировки неприятеля

Состояние неба, скорость ветра

Аэропланъ Капониоръ 70 см

Летчикъ и наблюдатель Подьесаул Ткачевъ

Место и время подъема ? Люблинъ

Въ 9 час. утра

Спускъ Красницкая позиция 10.45 мин. утра

Продолжительность полета 1 час 40 мин.

Наибольшая высота 800-900 мтр.

Маршрутъ слѣдованія аэроплана Люблинъ, Бѣлжице, Ополе, Юзефовъ, Анополь, Госце-радовъ, Уржендовъ, Красницкая позиция

Найдено верстъ по тракту

..... лпни полета около 160 верст

Бензина взято 80 парасходовано 3 мн.

Масла взято 20 парасходовано 20

Выполнение задания

Задание выполнено въ большиих результатах

Обстоятельства сопровождавши полетъ

Во время полета надъ позицией неприятельских артиллерийских батарей были замечены выстрелы минометовъ и артиллерийских орудий. Въ 10.45 мин. достигли Красницкой позиции.

Артиллерия была выведена при помощи нашей артиллерийской команды въ позицию на шоссе и переведена въ Люблинъ

Полетный лист Военного Летчика Ткачева на 12 августа 1914 года. (РГВИА. Ф. 6088, оп. 1, д. 1, лл. 81 и об.)

Золотой жетон Киевского Общества Воздухоплавания. Такой же жетон, врученный В.М.Ткачеву за перелет 1913 года, бесследно исчез после его смерти

что отнюдь не случайность возвела его в ранг первого Георгиевского кавалера русского Военного Воздушного флота.

Многое становится ясным уже из оценки полетных свойств аэроплана, на котором Военный Летчик Ткачев имел удовольствие «проникать в тыл и фланги». Если вообще можно говорить о «комфортности» самолетов тех лет, то аппарат системы «Ньюпор-IV» (на пилотском жаргоне — «Ньюпор-с-ложкой», как он назывался из-за длинной противокапотной лыжи¹⁰, укрепленной под фюзеляжем) не обладал этим свойством ни в какой мере — особенности компоновки кабины и принцип управления самолетом делали его крайне неудобным при выполнении военно-прикладных задач. Генерального Штаба подполковник Гатовский писал, что моноплан «Ньюпор-IV», имея превосходную скорость (до 120 км/ч), «обнаружил вместе с сим следующие недостатки: трудность наблюдения, трудность спуска (имеется в виду посадка. — А.М.) и трудность обучения: обратное управление сравнительно с остальными аэропланами»¹¹. Не случайно половина всех авиакатастроф в предвоенной России (с момента принятия «Ньюпора-IV» на вооружение) приходилась именно на долю этой машины, в то время как остальные 50% делили между собой шесть других типов. Сам конструктор и летчик-испытатель этой машины — Эдуард Ньюпор — погиб на ней 16 сентября 1911 года, а спустя два года на таком же «Ньюпоре» погиб его брат Шарль. Все эти печальные обстоятельства привели к тому, что в первой половине 1914 года авиазаводы России прекратили лицензионное производство «Ньюпоров» этой модификации, но — увы — к началу войны почти

что находчивость, доблесть и мужество, вкупе с их обладателем и добытыми им «сведениями первостепенной важности», могли бы кануть «в тылу неприятельского расположения», если бы уровень летного мастерства авиатора Ткачева не соответствовал сложности обстановки, в которой он оказался в тот погожий августовский вторник. Сегодня, вспоминая о 110-ой годовщине со дня рождения Вячеслава Матвеевича Ткачева, можно с уверенностью говорить,

половина (17 из 39) авиотрядов русского ВВФ еще была вооружена «Ньюпорами-с-ложкой».

Будучи отнюдь не самой желанной для пилотов машиной, этот моноплан все же использовался для выполнения разведывательных полетов наряду с «Фарманами», «Моранами» и «Вуазенами». Уже первые опыты употребления аэропланов в целях разведки показали ряд особенностей, сопровождавших подобные полеты, и широкое внедрение этого вида боевой подготовки в практику русской авиации позволило создать вполне толковую концепцию применения воздушных разведчиков. Одним из краеугольных камней этой концепции было понимание, что «трудность работы по наблюдению с аэропланов обуславливает [...] крайнюю желательность назначения для этой цели самостоятельного лица, не связанного техникой управления аппаратом»¹². Ту же мысль, только более колоритно и убедительно, формулировал и профессор Императорской Николаевской Военной Академии, Генерального Штаба полковник Б.В.Геруа: «Совмещение службы управления [аэропланом] с задачей наблюдения за всем происходящим на земле невыгодно отразится либо на управлении, либо на наблюдении. Ведь не следует забывать, что наблюдение при разведке не ограничивается механическим, протокольным запечатлением всего виденного; оно должно сопровождаться тактической (разрядка полковника Геруа. — А.М.) оценкой наблюдаемого положения. А это требует возможно более полного освобождения головы от всяких других забот, тем больше от такой тонкой и ответственной, как ведение аппарата в воздухе, на высоте версты и более, да еще под огнем противника!»¹³ Этой рекомендации — иметь на борту наблюдателя — строго придерживались и в довоенной практике, и, тем паче, в пору Великой войны. Мало того, наблюдателями назначались исключительно кадровые офицеры; например, «Руководящие Основания для опытного применения авиотрядов на маневрах» требовали (п. 13): «Для специальных или особо важных наблюдений штаб корпуса назначает заблаговременно наблюдателей из офицеров Генерального Штаба и специальных родов службы, по возможности из числа лиц, уже ранее подымавшихся на аэропланах»¹⁴.

Вполне естественно возникает вопрос — чем же в таком случае объяснить столь «легкомысленное» решение Начальника XX-го авиотряда: лететь на более чем ответственное задание **одному** на **двухместном** аэроплане, тем паче на столь «цирковой» машине, какой был «Ньюпор-с-ложкой»?

Для ответа заглянем в отчеты о двух предыдущих полетах В.М.Ткачева. 5 и 10 августа Вячеслав Матвеевич вылетал на разведку на том же самом «Ньюпоре» (производства Русско-Балтийского

завода, мотор «Гном», хвостовой номер 26) с летчиком-наблюдателем поручиком Т.И.Римским-Корсаковым¹⁵. Время, проведенное в воздухе, в каждый из этих полетов составляло примерно 1 час 40 минут, набиралась высота не выше 600—700 метров и проходило расстояние не более 120 верст. По канонам мирных дней это были вполне пристойные цифры; хотя военно-научная мысль и уповала видеть свое крылатое воинство более могущественным, однако сожаления типа «дальность пробега (суммарная дальность полета. — А.М.) тяжело груженых аэропланов прямо ничтожна»¹⁶ так и оставались риторическими. Тот же Борис Владимирович Геруа, проанализировав данные авиационной практики (как российской, так и зарубежной), в частности, рекордов дальности летательных аппаратов, — вынужден был печально констатировать: «Дальность пробега падает с увеличением числа человек, несомых аэропланом, причем разница особенно резка — примерно на 60% — между рекордами без пассажира (т.е. с одним пилотом) и с одним пассажиром (пилот и наблюдатель)»¹⁷.

Немаловажным обстоятельством была и «высота безопасности». На основании умозрительных выводов, отчасти подкрепленных результатами маневров, к началу войны было введено в авиационный обиход понятие о высоте полета, на которой эффективность активного противодействия наземного противника считалась пренебрежимо малой. Иными словами — была объявлена высота, держась не ниже которой, пилот мог чувствовать себя раскованно, не опасаясь, что его «аппарат тяжелее воздуха» продырявят стрелковым огнем неприятельские бойцы. «Ввиду незначительной величины своей и большой скорости, они (аэропланы. — А.М.) представляют цели малоуловимые», — считалось тогда¹⁸. Стоит ли напоминать, что уже первые недели боевых действий перевели это мнение в разряд радужных надежд. Бравая пехота — причем нередко своя же! — в тесном взаимодействии с противоаэропланной артиллерией регулярно «ссаживала на землю» летательные аппараты как с «безопасных высот», так и с высот гораздо больших... В случае же, если экипаж состоял из пилота и наблюдателя, полностью заправленный и загруженный «Ньюпор-IV» не был в состоянии (исходя из мощности мотора) набрать и «высоту безопасности» (в начале войны — 2.000 м) и, следовательно, даже теоретически из «цели малоуловимой» превращался в легкую добычу даже для австрийской пехоты.

Но вернемся к событиям 12 августа 1914 года. Начальник XX-го корпусного авиотряда получил от Генерал-квартирмейстера Штаба IV-ой армии, генерал-майора И.И.Попова, задачу обследовать прилегающий к позициям армии район, периметр которого составлял 210 верст. Если учесть неиз-

бежные отклонения от проложенного маршрута и виражи (для детализации наблюдений), то «Ньюпору» предстояло «пробежать» верст 250—270, а это уже за предельная дальность для полета с летчиком-наблюдателем. Облегчение поставленной задачи было исключено, ибо оказавшаяся в условиях встречного боя IV-ая армия имела в эти дни все шансы повторить судьбу Наревской русской армии. В тот критический момент непременно нужна была срочная и качественная разведка, которая осветила бы прилегающую к правому флангу местность вплоть до реки Висла...

В боевой вылет 12 августа Начальник отряда назначил самого себя. Неслучайность этого выбора доказывается словами рядового летчика отряда: «Все очередные боевые задачи он (Ткачев. — А.М.) выполнял наряду с остальными летчиками отряда, а более ответственные и рискованные полеты брал **всегда** (подчеркнуто мной. — А.М.) на себя. Это было его системой»¹⁹. Бесстрашный хронометраж боевых вылетов авиотряда подтверждает сказанное.

Следующим командирским решением в тот день становится сокращение экипажа ровно вдвое. Тем самым (отыгрывая упомянутые полковником Геруа 60% «пробега» и, наверное, чертыхаясь по поводу слабосильности «того, который-с-ложкой») Ткачев взваливает на себя груз, тяжесть которого боязно представить и сегодня.

За восемь предыдущих разведок отряда ни сам Ткачев, ни его летчики еще не летали над местностью, по которой был проложен маршрут на 12 августа. А визуальная ориентировка в незнакомом районе — дело крайне непростое. Даже в наши дни, в условиях, несравнимых с эпохой 1910-ых годов, потеря экипажем земной ориентировки не отошла в область преданий. В те же легендарные времена совершенно устранить возможность «заблуждения» (выражение В.М.Гатовского) можно было, лишь читая вывески с названиями пролетаемых железнодорожных станций или беседуя на географические темы с изумленными пейзажами, прибежавшими к месту непредвиденной посадки аэроплана... Возможно, «навигационную уверенность» придавал подъясаулу талисман, с которым он никогда не расставался до самых своих последних дней, — золотой

Есаул В.М.Ткачев —
исполняющий должность
Инспектора авиации Юго-
Западного фронта.
Осень 1916

жетон с надписью «За наиболее выдающийся в России перелет в 1913 году», полученный Вячеславом Матвеевичем от Киевского Общества Воздухоплавания. И о перелете этом нельзя не поведать, ибо он как нельзя лучше характеризует штурманскую и летную подготовленность воздушного казака.

... В чреде мероприятий, приуроченных к торжествам 300-летия Царствующей Династии, был и так называемый «Романовский перелет», по условиям которого надлежало дважды за время не более 48 часов покрыть расстояние между старой и новой столицами (600 верст). Наряду с коммерческими пилотами, допускались к участию в этих состязаниях и Военные Летчики (по одному от авиотряда). XI-ый корпусный, где служили Нестеров и Ткачев, «делегирует» своего командира — штабс-капитана П.А.Самойло, а на время его отсутствия (с июня по декабрь! — долго, но безуспешно сражался за 10-тысячный приз Павел Александрович) исполнять должность Начальника отряда назначен был поручик Нестеров. Именно Петр Николаевич и дал ход рапорту сотника Ткачева, испрашивавшего разрешение на «провинциальный» перелет (Киев — Одесса — Екатеринодар); цели этого «негромкого» (в полторы тысячи верст!) перелета Ткачев определял так: «тренировка в продолжительных полетах, ориентировка на незнакомой местности, обследование района, ближайшего к западной границе»²⁰. Свой перелет сотник Ткачев выполнил прекрасно, несмотря на октябрьские погоды, абсолютно незнакомый и абсолютно не подготовленный (в смысле наземного обеспечения) маршрут. Вразрез с установившейся довоенной практикой, В.М.Ткачев осваивал (Нестеровская школа!) премудрости экстравагантной профессии без облегчающих уловок, инициативно и не по чинам осмысленно. Не собирался он мириться с тем, что «в мирное время районы полетов большей частью хорошо известны, продолжительность полетов весьма незначительна, а даваемые в большинстве случаев задачи летчикам не слишком сложны...»²¹. Много было дальних перелетов в том юбилейном, последнем мирном году. Однако ни один из них не шел в сравнение с ткачевским маршрутом. И вовсе не завышена оценка, данная этому событию Президентом Одесского Аэроклуба, направившим в адрес Начальника Воздухоплавательной части Главного Управления Генерального Штаба телеграмму: «Сердечно поздравляю главу русской воздухоплавательной организации с беспрецедентным по простоте и скромности лихим перелетом сотника Ткачева Киев — Одесса — Керчь — Кубань в ненастное осеннее время без предварительных подготовок»²²... Потенциал дарований Вячеслава Матвеевича — воинских, летных, нравственных, — был очень высок, и при этом, по сви-

детельству человека, имевшего возможность наблюдать его во фронтовой обстановке, «будучи очень строгим и требовательным к подчиненным, Ткачев оставался особенно требовательным, в первую очередь, к себе»²³. Так что не стоит сегодня ломать голову над причинами «головокружительности» карьеры воздушного казака, всего за семь лет прошедшего дистанцию от спортсмена-авиатора до Начальника Полевого Управления авиации и воздухоплавания.

Вновь вернемся к треволнениям 12 августа. ...«Ньюпор» скрупулезно, невзирая на обстрел с земли и незнакомство с местностью под крылом, прошел почти весь маршрут. Собрана информация, которая, судя по предстоящей реакции командования, окажется бесценной; эта информация кинолентой прокручивается в памяти, ложась в то же время на терзаемую карту-двухверстку. И вот уже визуально различима линия соприкосновения сражающихся армий. Там, за раздельительной полосой передовых позиций, своя земля, в 50 верстах от начала которой — самый желанный из всех аэродромов — Люблинский, переоборудованный в военных интересах из городского ипподрома («скакового поля»), на берегу речушки со странным названием Быстржица и совсем недалеко от вокзала. Всего неделю назад подьесаул поднялся с этого «скакового поля» в свой первый боевой вылет, а сегодня он побьет свой рекорд: больше двухсот верст «в один присест» он еще не летал, да еще и под таким назойливым обстрелом с земли! Впрочем, в памяти с давних, еще кадетских времен — дерзкие слова Нахимова: «Не всякая пуля в лоб»...

Должно быть, выискал он сквозь прозрачный августовский воздух невеликий Красник и дорогу от него на Люблин, — и от ощущения близости завершения этого крайне напряженного полета захотелось сделать еще больше. Вернулся к левому флангу неприятеля, прошел вдоль всей его позиции к правому. Посмотрел, запомнил, пометил на карте... Но и австрияки, видно, попались дотошные и азартные: уже неслышно продырявлена в нескольких местах полотняная обшивка левого крыла, чуть изменившееся гудение воздуха будто намекает — пора уходить.

«... Наконец, одна пуля...»

И враз оборвались все благостные мысли об аэродроме, о Люблине... Мгновенно выключен мотор... Ручка — от себя, и... «Во всех случаях летчик должен сохранять присутствие духа, даже при падении, когда кажется, что гибель неминуема...» — это из «Памятки летчику», изданной Севастопольской авиашколой в 1913 году, а далее там — «... всегда помня, что своевременное принятие всех возможных мер спасает летчика и аппарат от гибели»²⁴. Ну, насчет «гибели летчика» еще рано, но как досадно: полтора часа над неприятелем,

столько сведений! — и все прахом в двух минутах лета от своих. Вертятся в голове строчки «Памятки»: летчику «не должно забывать, что душа его аэроплана — это мотор. Мотор дает нужную силу для полета». — Да, уж это незабываемо! — «Есть тяга — аэроплан без подрывания летит свободно, нет ее — нельзя лететь и не следует заставлять лететь»²⁵.

... Течет масло из бака. Планирует «тот, который-с-ложкой» на лес... И, слава Богу! — приходит (благодаря «присутствию духа») спасительная идея. Простая, как все гениальное.

Чтобы прервать вытекание, надо умудриться дотянуться ногой до пробойны (35-литровый бак укреплен внутри кабины слева-вперед от летчика). Хорошо, что гибкий. Хорошо, что казак. Другому было бы, как локоть укусить...

Нет, не был он — залитый маслом, застывший с поднятой ногой в несусветной позиции — похож на бравого кубанца на Высочайшем смотре. Но, думается, и не заботил подъесаула совсем неподрачный его облик. Потому что вместо одной беды

пришла другая печаль (и неизвестно, какая хуже): и без того не подарок «тот, который-с-ложкой» и с «обратным управлением», а с брошенными педалями вообще — хоть плачь!

... И сегодня не грех подивиться и порадоваться, что те минуты, когда вел подбитую машину Ткачев, не стали для него последними...

«По справедливому замечанию одного из обозревателей современного воздухоплавания, вся деятельность летчика на аэроплане заключается в непрерывной борьбе за равновесие аппарата в воздухе», — это Гатовский «репетует» чью-то совершенно верную мысль²⁶. Дорога от Заклинова к своим позициям стала для Вячеслава Матвеевича Ткачева тем этапом, где он «имел право» на своем аэроплане, обладавшем весьма призрачными летными кондициями, сорваться в штопор без ущерба для сложившегося ранее реноме авиатора. Но мог и заслужить неуставной титул высшей авиационной квалификации — «Пилот милостью Божьей»...

Он долетел.

Примечания

¹ Ошибка или опечатка. Следует — «масляным».

² Воздушный справочник. — Пг., 1915. — Стр. 5.

³ РГВИА. Ф. 6088, оп. 1, д. 1, лл. 52 — 70.

⁴ Кривление (перекашивание, гоширование) крыльев — процедура отгибания вверх или вниз концевых участков крыла для создания крена или вывода из непроизвольного накренивания в полете. Применялось на первых (начиная с «Райтов») аэропланах. «Ньюпор-IV», на котором выполнял этот полет В.М.Ткачев, перекашивал крыло с помощью ножных педалей (в отличие от всех других типов аппаратов, у которых кривление достигалось движением ручки управления — клош — влево или вправо).

⁵ Вынужденный остаться без одного канала (поперечно-го) управления, Ткачев оказался в критичнейшем положении: достаточно было малейшей передозировки отклонения руля поворота — и машина сорвалась бы в непоправимый штопор...

⁶ Номер дивизии написан неразборчиво, однако известно, что непосредственно под Красником сражался XIV-ый русский корпус, в состав которого входили 18-ая пехотная дивизия и 2-ая стрелковая бригада. Поэтому можно считать установленным, что Ткачев написал «XVIII».

⁷ РГВИА. Ф. 409, оп. 1, д. 81077, л. 4 об.

⁸ Цит. по: ГА КК. Ф. 1559, оп. 1, д. 72, л. 45.

⁹ Приказы Кубанскому казачьему войску. 1914 г. — Екатеринбург, 1915. — Без нумерации листов.

¹⁰ Противокapotная лыжа — конструктивное решение, предназначенное для предотвращения капотирования (от фр. *capoter* — переворачиваться) аэроплана при его движении по земле. В общем случае представляла собой прочный деревянный брус с загнутым слегка вверх передним концом. На «Ньюпоре-IV» такая лыжа имела вид крайне экстравагантный: расширенный и плоский носок размером с совковую лопату был выдвинут вперед невероятно далеко.

¹¹ Гатовский В.Н. Воздушная разведка. — СПб, 1912. — Стр. 34.

¹² Там же. — Стр. 76.

¹³ Геруа Б.В. Тактика технических войск. — СПб, 1912. — Стр. 154, 155.

¹⁴ Гатовский В.Н. Указ. соч. — Стр. 123 (Приложения).

¹⁵ Судьба этого офицера не совсем обычна для русского Военного Воздушного флота. Начавший войну летчиком-наблюдателем, Тихон Ильич Римский-Корсаков — по военному образованию кавалерист — по собственному желанию вернулся в кавалерию (19-ый драгунский Архангелогородский полк), но в начале 1915 года по просьбе Авиадарма вновь служит летчиком-наблюдателем в III-ем корпусном авиотряде. С апреля 1916 года (после переучивания) — военно-морской летчик, к концу войны — Начальник авиотряда на Черноморском Флоте. А в Гражданскую войну он снова возвращается в конницу, с августа 1918 года сражаясь в рядах прославленного 1-го Конного полка Добровольческой Армии... С ноября 1920 года — в эмиграции.

¹⁶ Геруа Б.В. Указ. соч. — Стр. 157.

¹⁷ Там же. — Стр. 154.

¹⁸ Гатовский В.Н. Указ. соч. — Стр. 33.

¹⁹ Гольцшмидт В.И. Военный летчик В.М.Ткачев как командир 20-го корпусного авиотряда. — ГА КК, ф. 1559, оп. 1, д. 58, л. 174.

²⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 7, д. 5, л. 108.

²¹ Гатовский В.Н. Указ. соч. — Стр. 76.

²² Телеграмма А.А.Анатра генералу Шишкевичу 12 октября 1913 г. — РГВИА, ф. 2000, оп. 7, д. 5, л. 182.

²³ Гольцшмидт В.И. Указ. соч. — Л. 174.

²⁴ Памятная книжка летчика. — Александро-Михайловский аэродром [Севастополь]: издание Офицерской Школы Авиации, 1913. — Стр. 25.

²⁵ Там же. — Стр. 7.

²⁶ Гатовский В.Н. Указ. соч. — Стр. 31.

ДЕЛО ПОД АРДАГАНОМ

Сибирские казаки на службе Отечеству

*Кавказ чудесный, величавый,
Страна джигитов и орлов,
Прими на память отзвук славы
И от Сибирских казаков!*

Мария Волкова. «Кавказская»
(Из цикла «Песни Сибирских казаков»)

Нагрудный знак
Сибирского казачьего
войска

Россия 1914 года войны не хотела и боялась. Но, верная союзническому долгу перед подвергшимися агрессии Сербией и Францией, она не смалодушничала и восприняла начинающуюся Великую войну как свой тяжкий крест. Чтобы нанести удар по Восточной Пруссии, быть может, спасший Францию от окончательного разгрома, Россия пожертвовала многим. И, в частности,

была оголена русско-турецкая граница. Две трети кадровых войск были выведены из Закавказья и брошены против Германии и Австро-Венгрии, хотя русское Верховное Командование прекрасно понимало, что вступление в войну Турции является лишь делом времени.

Кавказ уже давно был яблоком раздора для Российской и Оттоманской Империй, многочисленные войны между которыми имели и религиозную окраску. Турция мечтала вернуть отошедшие к России в 1878 г. города Карс, Ардаган и Батум в Закавказье. Но захватные устремления ее лидеров простирались гораздо далее. Они мечтали поднять на «джихад» (священную войну против «неверных») всех мусульман Кавказа, Поволжья, Западной Сибири и Средней Азии и создать под скипетром Турецкого Султана мощное тюрко-исламское государство. Чем грозило бы успешное турецкое нападение христианскому населению Кавказа, нетрудно догадаться. Можно спросить у любого армянина, чем его народу памятен 1915 год... Резня — вот что ждало армян, грузин, греков.

16 октября 1914 г. (все даты по старому стилю) два турецких миноносца с русскими флагами и отличительными огнями вошли в гавань Одессы и, неожиданно напав, потопили канонерскую лодку «Донец». В тот же день германские и турецкие

крейсера обстреляли Севастополь, Феодосию и Новороссийск. Это был вызов, и Россия его приняла. 20 октября был обнародован Высочайший Манифест об объявлении Турции войны. Хотя к этому времени на Кавказ уже был переброшен 2-й Туркестанский корпус, русских войск там было явно недостаточно. Поэтому командование поставило перед ними весьма ограниченную задачу: прикрывать границу, а в случае турецкого наступления постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта и во что бы то ни стало удерживать Военно-грузинскую дорогу и город Баку.

Энвер-паша, военный министр и фактический Верховный Главнокомандующий турецкими вооруженными силами, решил провести широкую операцию по окружению и уничтожению русской Кавказской армии. План был дерзкий, но суливший туркам в случае удачи неисчислимые выгоды.

10 декабря 1914 г., завершив переброску войск и добившись двухкратного превосходства, турки перешли в наступление и вскоре почти блокировали основные русские силы в Пассинской долине, в районе города Сарыкамыша. Связь этой группы наших войск с Тифлисом, где находился штаб Кавказской армии, была прервана. В Тифлисе, лишенном серьезного прикрытия, возникла паника, передававшаяся и в Петроград. 12 декабря военный министр России генерал-адъютант В.А.Сухомлинов записал в своем дневнике, что нельзя было так оголять Кавказский фронт, и констатировал: «... выходит, что турки нас бьют!»

С потерей Сарыкамыша наши части лишились запасов продовольствия и боеприпасов. Почти без сна, полуголодные, непрерывно на морозе, офицеры и солдаты ходили, как пьяные, но держались. Держались благодаря русскому упорству, благодаря талантам и воле начальника Сарыкамышской группы войск генерала Г.Э.Берхмана и его сподвижников: генералов Юденича, де Витта, Баратова, Пржевальского, полковника Ласточкина и других.

Фронтальный и фланговый удары 3-й турецкой армии Энвер-паша решил подкрепить высадкой морского десанта в русском тылу. В состав десанта вошли 7-й и 8-й пехотные полки 1-го Константинопольского корпуса, один эскадрон сувары, две горных батареи и 3-я саперная рота. Командовал им германский майор Штанке. 12 декабря удачно высадившийся десант нанес удар

по располагавшемуся в районе города Ардагана отряду генерал-майора Геника, состоявшему из трех батальонов 3-й Кубанской пластуной бригады, 3-го Екатеринодарского казачьего полка, 298-й дружины ополчения и двух батарей. Русские оставили город и стали беспорядочно отступать на восток. Генерал Геник потерял управление войсками и пребывал «в крайне подавленном паническом настроении». Захватом Ардагана турки не только отрезали русские части в районе города Ольты, но и открывали себе кружной путь на Тифлис, положение которого становилось все более угрожающим. На это направление командование Кавказской армии бросило свой последний резерв — Отдельную Сибирскую казачью бригаду.

В бригаду входили 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, 2-й Сибирский казачий полк, бригадная пулеметная команда (8 пулеметов) и 2-я Оренбургская казачья батарея (6 трехдюймовых орудий). Начальником бригады был генерал-лейтенант П.П.Калитин, начальником штаба бригады — полковник И.Т.Борисевич, командирами полков: 1-го — полковник Э.А.Раддац и 2-го — полковник С.В.Буров, командиром Оренбургской батареи — войсковой старшина Лебедев.

До войны 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки 1-й очереди несли службу в Семиреченской области, в районе города Джаркента, охраняя границу и русские консульства в китайских городах Кульдже, Суйдуне и Урумчи. С началом войны сотни Отдельной Сибирской казачьей бригады сдали свои посты семиреченским казакам 3-й очереди, собрались в Джаркенте и форсированным маршем пошли через Туркестан на запад. В Ташкенте, за счет прибывших по железной дороге пополнений из Сибирского казачьего войска, полки довели свой состав до штатов военного времени.

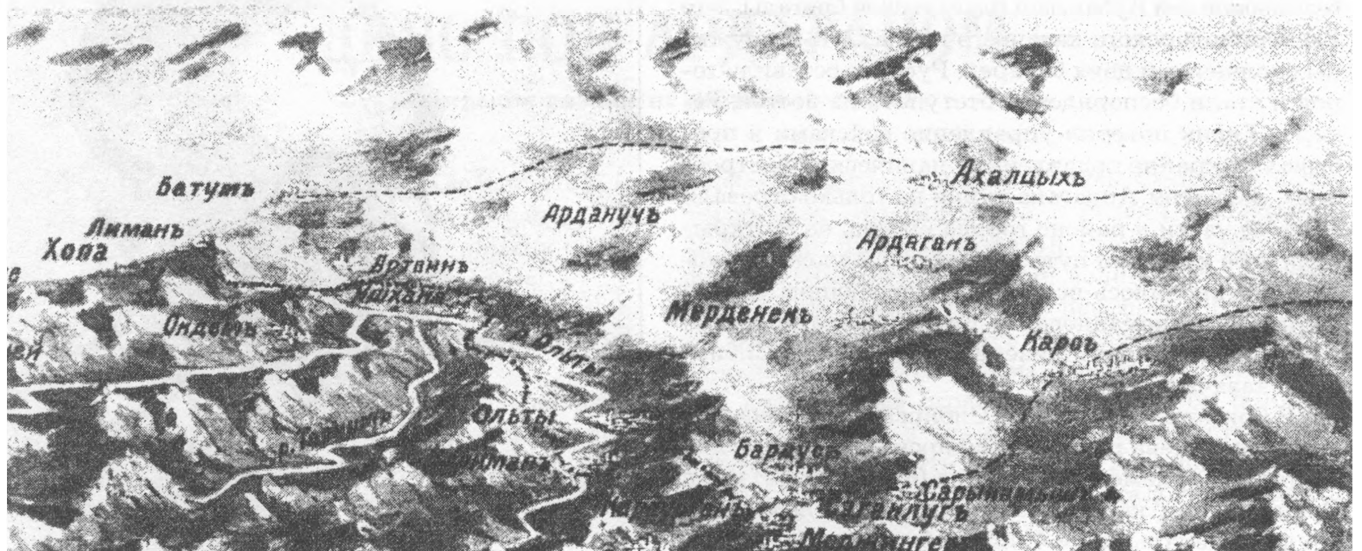
В Асхабаде бригада была задержана, несколько ее сотен отправились в Персию на охрану русских консульств. Это обстоятельство так огорчило офицеров 1-го полка, что в день тезоименитства Наследника Цесаревича они послали Императору Николаю II-му поздравительную телеграмму с просьбой об отправке на фронт. Император не замедлил с ответом: «Благодарю за поздравление. Не сомневаюсь в доблести Ермаковцев. Скоро призову. Николай». И действительно, вскоре бригада получила приказ отправиться в город Астрабад для погрузки на пароходы, пересекла Каспий и прибыла в Баку. 16 ноября 1-й Сибирский казачий полк был уже в Тифлисе, а 2-й в Елисаветполе.

26 ноября на Кавказ прибыл сам Император. При проходе Царского поезда через Елисаветполь 2-й полк выставлял в почетный караул сводную сотню под командой подьесаула С.Дорохова, 1-му же полку посчастливилось встречать Императора

Генерал П.П.Калитин. Рис. Е.Е.Лансере. 9 февраля 1915 в Тифлисе, став шпалерами по Михайловской улице. Когда появился Царский автомобиль, грянуло мощное «Ура». Как воспоминал очевидец, «подъем был неопишуем». Государь медленно двигался по фронту, здороваясь с казаками-Ермаковцами. После окончания церемонии один из сибирских казаков, вахмистр Карпов, сказал товарищам: «Теперь по крайней мере видели, за Кого идем сражаться и, если понадобится, то и умереть». Весь этот день в 1-м полку царило радостное, приподнятое настроение. Казаки рвались в бой. Но первыми попасть под пули довелось не им, а второполчанам.

Когда началась война, Энвер-паша попытался поднять мусульманское население Кавказа на партизанскую войну. В частности, турецкие шпионы спровоцировали восстание аджарцев в районе городов Ахалцыха и Аббастумана. Повстанцы перерезали шоссе Батум — Ахалцых — Тифлис, что угрожало тылу Кавказской армии. Для борьбы с ними был брошен отряд в составе 2-го Сибирского казачьего полка, 2-й Оренбургской казачьей батареи и одной сотни 15-го Кубанского пластуного батальона. 4 декабря сибирские и кубанские казаки, оставив из-за глубоких снегов артиллерию, при сильном морозе, в метель пересекли Гадерский перевал и на следующий день вошли в деревню Даниспар-аул. Именно здесь они впервые попали под ружейно-пулеметный обстрел. Вражескую засаду

Район боевых действий в Закавказье в конце 1914 — начале 1915 гг. Рельефная карта 1915 г.

удалось сбить. 6 декабря, в день войскового праздника Сибирского казачьего войска, — снова бой, в котором было ранено 15 казаков 2-го полка. Но повстанцы понесли гораздо большие потери. Командовавший ими турецкий офицер был убит. Вечером аджарские беи запросили мира, а на следующий день сдали оружие. 12 декабря, в день занятия турками Ардагана, 2-й полк был отозван в Ахалцых, где находилась 2-я Оренбургская казачья батарея. 1-й полк тем временем из Тифлиса по железной дороге был переброшен в Боржом.

Приказ о немедленном выступлении на Ардаган части Отдельной Сибирской казачьей бригады получили вечером 14 декабря. Форсированным маршем они двинулись навстречу врагу. Население армянских сел встречало казаков с образами, хоругвями, угощало мясом, яйцами, сметаной, вволю кормило и лошадей. Армяне, в знак особой признательности, по два человека вели офицерских коней под уздцы. По шоссе навстречу сибирякам сплошной вереницей, запрудив дорогу на десятки километров, ехали беженцы, армяне и греки, со всех ближайших к Ардагану селений. Они представляли собой ужасное зрелище. Из-за внезапности турецкого нападения и спешности эвакуации многие были без шуб. Немало беженцев замерзло в горах, еще больше было обмороженных. Именно тогда казаки впервые увидели ужасы той войны. Через много лет один из них, тогда есаул, А.Д.Баженов, вспоминал увиденную по дороге на Ардаган женщину-беженку, в одной кофте, с неподвижными обезумевшими глазами и с замерзшим младенцем у открытой груди...

Беженцы несли молву о гибели отряда генера-

ла Геника. В действительности, его части шли за ними по пятам. 17 декабря сибирские казаки прошли почтово-земскую станцию Зурзуна, что в 42 км от Ардагана. На ней-то в течение этого дня и собирались расстроженные войска Геника. Выяснилось, что все подразделения целы, орудия тоже, недосчитались только 200 человек. Больше было паники. Отряду повезло, что турки его не преследовали. На ст. Зурзуна он был окончательно приведен в порядок и вместе с Сибирской казачьей бригадой вошел во вновь образованный так называемый Ардаганский отряд под началом генерала Калитина.

Турки, заняв Ардаган, в дальнейшем проявили беззаботность и крайнюю пассивность. Они не заняли окрестных старых фортов на господствующих высотах, на восток от города не продвинули ни одной регулярной части, а только малостойкие партии из местных мусульман.

17 декабря усиленная разведка Сибирской казачьей бригады вошла в деревню Гуляберт в 12 км от Ардагана. По улицам валялось несколько десятков трупов местных жителей-греков. Это были кровавые следы посещения деревни отрядом курдских повстанцев. Около Гуляберта казаки нашли брошенные отрядом Геника 700.000 патронов и перевязочные материалы санитарного отряда. В эту деревню 19 декабря перешел весь Ардаганский отряд Калитина.

До 21 декабря никаких решительных действий Калитин не предпринимал. Не было связи с Ольтинским отрядом, состоявшим из бригады 20-й пехотной дивизии генерала Истомина. Этот отряд отступал, преследуемый с фронта турецкой дивизи-

ей, а в тылу у него был занятый врагом Ардаган. На поиски Истомина 19 декабря под общей командой полковника С.С.Бокова пошли две сотни 2-го Сибирского казачьего полка: 2-я сотника Парфентьева и 4-я подъесаула А.Грязнова. Следует особо отметить, что они возвратились через сутки, пройдя по гористой местности до 120 км (!) и выполнив задачу. По данным Бокова, штаб 20-й дивизии находился в таком состоянии духа, что не помышлял об активных действиях и только после уговоров согласился помочь. Боков согласовал с Истиным план боя на 21 декабря.

Чтобы обеспечить скрытность движения, Калитин выдвинул на фланги своего отряда разведывательные сотни, которыми были оттеснены все курдские партии. Повстанцы потеряли до 400 человек убитыми и ранеными.

Основные силы отряда Калитина выступили на овладение Ардаганом в 4.30 утра 21 декабря 1914 г. 2-й полк должен был атаковать город с юго-востока, а кубанские пластуны — с северо-востока. 1-му полку, вышедшему на час раньше, предстояло затемно обойти Ардаган с севера и выйти в долину в тылу противника. С этой задачей Ермаковцы справились, но из-за сильного тумана очутились возле самой окраины города (северо-западной). Турки здесь еще не успели закончить проволочных заграждений. Воспользовавшись этим, казахи разъезды внезапно прошли через вражеские окопы и ворвались в город. Турки открыли беспорядочную стрельбу. У казаков появились потери. Поскольку происходившее вообще не входило в задачу полка, полковник Э.А.Раддац, воспользовавшись темнотой и туманом, отвел своих людей к северо-западу от города, чтобы выполнять поставленную полку задачу: следить за дорогами на Фахрель и Николаевку.

К 8 часам утра основные силы Калитина подступили к самому Ардагану. У них на пути оказались глубокие, занесенные снегом овраги. Турки открыли по наступавшим сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Однако город, лежащий в низине, был окутан таким плотным туманом, что корректировать стрельбу было невозможно, и обеими сторонами она велась наугад, по площадям. Поэтому наступавшие несли в основном случайные потери. Калитин приказал частям остановиться на рубежах оврагов. Ближняя разведка донесла, что восточная окраина города защищена окопами с блиндажами и искусственными препятствиями. Штурм Ардагана с этой стороны стал представляться неразумным. Калитин решил дожидаться подхода запаздывавшего Ольгинского отряда. Только около обеда с юго-запада стали слышны отдаленные артиллерийские залпы. Это подавал знак генерал Истомин. Но связь с ним удалось устано-

вить только в четыре часа дня.

Тем временем 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, энергично действуя отдельными сотнями и разъездами, зорко следил за путями из Ардагана. Сильный туман позволял ему легко маскироваться и предохранял от излишних потерь. Но случай снова привел казаков на окраину города. Во время фуражировки 5-я сотня есаула А.Д.Баженова была потревожена вышедшей из Ардагана, спешившейся и открывшей ружейный огонь курдской иррегулярной конницей (до 200 чел.). Полковник Раддац приказал отогнать врага. Курды не приняли атаки. На их плечах 5-я сотня в конном строю ворвалась в крайние три-четыре улицы. Но для закрепления успеха сил было явно недостаточно, и есаул Баженов разумно предпочел отступить. Однако хорунжий Е.А.Берников с частью казаков слишком увлекся преследованием, укрепился в крайнем дворе и послал сотенному командиру донесение: «Г. Ардаган занял. Жду подкреплений». В ответ Баженов отдал трубачу приказ играть сигнал «апель»: «В свои места скачите». Нехотя «зарывчатый» хорунжий подчинился приказу трубы. Отступил с потерями, хотя все убитые и раненые были вынесены. В этом боевом эпизоде 5-я сотня потеряла пять человек убитыми. Полковник Раддац отчитал Баженова за «перевыполнение» задачи и чрезмерный риск, но все же поздравил сотню с боевым крещением.

Военное счастье переменчиво. К вечеру 21 декабря турецкий десант, занимавший Ардаган, оказался в критическом положении. Его удачный маневр по русским тылам оборачивался окружением. То ли турки решили, пока не поздно, начать отход, то ли хотели занять более выгодные для ведения боя позиции, но около 6 часов вечера из Ардагана на запад вышла турецкая колонна. Это движение было замечено казачьими разъездами, и Ермаковцы не упустили случая.

Уже смеркалось, и 4-я сотня есаула В.И.Волкова собиралась идти в деревню Николаевку, место сбора 1-го полка, когда дозорный сообщил о движении какой-то турецкой части. Волков всмотрелся и увидел темную, вытянувшуюся по дороге из Ардагана ленту. Испрашивать указаний командира полка не было времени. Позиция выгоднейшая. Казаки находились за поворотом дороги, скрытые от противника. И есаул, на свой страх и риск, решил атаковать, послав часть казаков в обхват. Сумерки, туман, гористый характер местности не позволяли взглядом охватить обстановку, и она рисовалась больше по донесениям дозоров и звукам. Вот слышался, постепенно нарастая, шум движения большого количества людей. К Волкову подкрался новый дозорный: «Ваше Высокоблагородие, так что турок — видимо-невидимо, должно,

что целый полк!» И действительно, как потом выяснилось, это был 8-й пехотный полк. Но есаул отогнал сомнения, менять приказ в такой момент нельзя. И, когда турки поравнялись с намеченным местом, он дал команду «в атаку». Сотня, как на смотровом учении, развернулась и молча пошла на врага. Впереди на кобылице «Трильби», размахивая стэкком, мчался сам Волков. Вот грянуло и покатило на турецкую колонну мощное, усиленное расщелинами и скалами, «ура». Оказавшаяся непосредственно под ударом турецкая рота не ожидала нападения и не успела перестроиться в каре, как с разных сторон в нее врубались казаки 4-й сотни. Участь роты была предрешена. Поднялся шум от беспорядочной стрельбы, криков, лязга оружия.

Конная атака 4-й сотни, так ошеломившая вражескую колонну, почти сразу же была подкреплена ударами других подразделений 1-го полка. Так как объект не был ясно виден, то сотни и даже отдельные взводы шли на выстрелы, нащупывали в темноте противника и атакывали различные части колонны, так что у некоторых участников боя сложилось впечатление, будто двигалось две колонны, а не одна. Началась сумасшедшая ночная рубка.

Трудно понять, а тем более передать словами,

то состояние, которое охватывает людей в таком бою. Казаки были объгаты одним наступательным порывом. Турки сначала оцепенели от неожиданности. Некоторые из них так и пали под казачьими клинками. Другие заметались, ища лазейки. Но третьи, оправившись от первоначального замешательства, приняли удар.

Особенно жестокий бой был там, где турки собрались вокруг своего полкового знамени. Груды их трупов на следующий день свидетельствовали, что они дрались здесь героически и были уничтожены почти все. Знамя 8-го пехотного полка 3-й дивизии 1-го Константинопольского корпуса турецкой армии досталось 1-му Сибирскому казачьему полку.

Захватил знамя казак 3-й сотни Колков, уроженец Атаманской станицы Омского уезда. Но в той полной нелепостей и случайностей свалке, которую называют рукопашной схваткой, все возможно. И, чтобы турки не смогли отбить знамя, Колков инстинктивно передал его назад, уряднику 4-й сотни Зенченко. В отличие от молодого и неопытного Колкова, Зенченко, по-видимому, лучше владел собой и прекрасно помнил, что ждет солдата, который бросит к ногам своего командира вражеский стяг. И эта слава досталась ему. Из-за этого-то позже и возникал спор между 3-й и

Стычка казаков с курдами. Рис. П.Жилина. 1915

4-й сотнями, а Атаманский станичный сбор просил исправить неточность в соответствующем приказе по 1-му полку. Это обстоятельство ничуть не роняет авторитета 4-й сотни, ибо первый удар, во многом обеспечивший успех всего боя, нанесла все же она, захват знамени произошел фактически на ее участке атаки, а Зенченко принимал в этом самое активное участие.

Был в том бою еще один интересный эпизод. Когда турецкое знамя перешло в руки казаков, они стали кричать: «Знамя! Знамя!» Услышал эти крики и командир полка. У него перехватило дух: неужто потеряно полковое знамя?! Э.А.Раддац обратился к командиру 3-й сотни, при которой оно находилось, есаулу Г.Н.Путинцеву с вопросом: «Где знамя?» Но Путинцев на время потерял управление своей сотней и не смог сразу дать ответа. Тревога усилилась. Но вот прискакал адъютант и доложил, что знамя на месте. А затем казаки доставили и трофейное, с большим полумесяцем и вышитыми письменами... Такие секунды не забываются. Недавний испуг Раддаца сменился восторгом. Это захваченное турецкое знамя стало началом его блестящей карьеры в годы первой мировой войны.

Но вот бой завершен. С турецкой колонной покончено. Кроме знамени захвачены пленные: 6 офицеров, 1 врач и около 200 аскеров. А на следующий день на месте боя Ермаковцев пехота подберет и похоронит более 500 вражеских трупов. 1-й же полк в своей знаменитой конной атаке 21 декабря 1914 г. потерял 16 казаков убитыми, 36 ранеными, а также около 70 лошадей (наибольшие потери убитыми — 5 человек — понесла 4-я сотня). На следующий день убитые казаки были похоронены в братской могиле в городе Ардагане.

Пока 1-й полк расправлялся со «своей» колонной, оружейная канонада с северо-востока и юго-запада от Ардагана усилилась. Это основные силы Калитина и Истомина завершали окружение. Турки пассивно сопротивлялись. Их огонь постепенно ослабевал. 2-й Сибирский казачий полк и кубанские пластуны так и заночевали на занятых под городом рубежах. Но 1-й полк и пехота генерала Истомина примерно в 8 часов вечера с запада ворвались по разным улицам в Ардаган. Турки, засевшие в домах, оказали сопротивление, но были уничтожены солдатами и казаками. В плен попало до 900 врагов. Но часть турок, пользуясь темнотой и туманом, все же смогла ускользнуть из смыкавшегося кольца и мелкими группами бросилась на запад, к побережью. На смолкший город легла ночь. А наутро в одном из ардаганских фортов чины 3-го Екатеринодарского казачьего полка нашли два испорченных и брошенных турками орудия.

Трофеи Ардагана были отправлены в еще не

оправившийся от паники Тифлис. Турецкое знамя было выставлено там на всеобщее обозрение и много раз сфотографировано. Позже в Тифлис ездили представляться герою Ардагана — В.И.Волкову и его помощник

Есаул В.И.Волков

сотник И.Н.Красильников (потом оба они станут активными участниками Белого движения в Сибири и генералами).

После взятия Ардагана Отдельная Сибирская казачья бригада отдохнула один день и форсированным маршем двинулась на юг, на город Ольты, чтобы нанести удар по тылам турок, обошедших с севера Сарыкамьшскую группу русских войск. 30 декабря с боем она заняла Ольты. А в январе 1915 г. бригаду ждала тяжелая работа в турецких тылах, в немалой степени способствовавшая полному разгрому отступавшей 3-й турецкой армии. Но обо всем этом надо рассказывать особо...

В то время, когда сибирские казаки дрались под Ардаганом, в главном месте, в районе Сарыкамьша, произошел перелом. Турки обратились вспять. 23 декабря военный министр Сухомлинов записал в дневнике: «Оказывается действительно полная победа, и турки растрепаны на Кавказском театре войны. Очевидно, войска справились с противником сами, без всякого руководства из Тифлиса...» К 5 января 1915 г. турки были отброшены на 110 км, т.е. на исходные позиции. К 10 января, по данным французского военного историка майора Ларше, извлеченным из документов турецкого Генерального Штаба, от некогда 150-тысячной 3-й турецкой армии осталось только 12.400 человек! Пропаганда турок среди мусульман перестала давать результаты. Внутриполитическая ситуация на Кавказе стабилизировалась. Тыл Кавказской армии был обеспечен. Согнанное турецким наступлением с насиженных мест христианское население потянулось обратно к родным очагам.

Победа далась нелегко. Турки — прекрасные солдаты: храбрые, чрезвычайно выносливые, непритязательные и дисциплинированные. Они почти всегда принимали штыковой удар, ловко

применялись к местности, отлично шли в атаку, хорошо оборонялись. Но у них был недостаток, свойственный вообще восточным народам, — чрезмерная впечатлительность при неудачах. Командный состав турецких войск был качественно заметно хуже, чем русских, и это ярко продемонстрировала Сарыкамышская операция. Кроме того, у турок было мало регулярной кавалерии, а курдская иррегулярная по своим качествам сильно уступала казачьей.

Ведение зимней кампании в горной местности всегда необычайно трудно для войск. Оно требует соответствующих навыков. Пересеченный характер местности, полное отсутствие колесных дорог затрудняли в Сарыкамышской операции действия большими силами, нарушали связь со штабами, что повышало значение личной инициативы небольших начальников и младшего командного состава. В боях под Ардаганом и Ольтами 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки показали себя как прекрасно обученные, тренированные части. У них был богатый опыт службы небольшими отрядами в горах на китайской границе, причем в гораздо более суровых климатических условиях. Там, где кубанские казаки теряли десятки, сотни людей обмороженными, сибиряки обходились без потерь. Горная война требует смелых, инициативных, не теряющихся в сложной обстановке командиров. И первые же бои подтвердили, что такие в Сибирском казачьем войске есть.

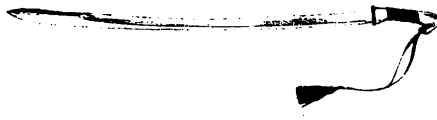
За боевые отличия в конце 1914 — начале 1915 гг. многие чины Отдельной Сибирской казачьей бригады (а в 4-й сотне 1-го полка — все без исключения) были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Начальник бригады генерал-лейтенант П.П.Калитин за взятие Ардагана и Ольт был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, произведен в генералы-от-кавалерии и назначен командиром 1-го Кавказского армейского корпуса. За бой под Ардаганом начальник штаба бригады И.Т.Борисевич получил Георгиевское оружие, а Э.А.Раддац — орден Св. Георгия 4-й степени. Произведенный в генерал-майоры Раддац стал после Калитина начальником Отдельной Сибирской казачьей бригады.

Не был обойден вниманием и лихой есаул В.И.Волков. Он был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Представление это прошло через Георгиевскую Думу довольно скоро. И когда стала известна благоприятная резолюция, генерал

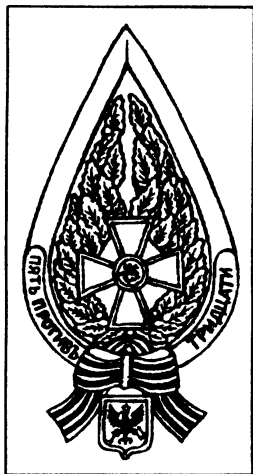
Калитин собственноручно прикрепил на грудь Волкову снятый с себя скромный эмалевый крестик. «Этот крестик был когда-то на груди Белого Генерала. Я получил его в Хивинском походе из рук самого Скобелева, а теперь передаю достойнейшему из моих подчиненных», — сказал старый генерал и со слезами на глазах обнял Волкова. (Этот «скобелевский крестик» стал святыней Волкова. Уже в гражданскую войну, будучи известным колчаковским генералом, он передал его, в свою очередь, найдостойнейшему из своих офицеров). Кроме того, за бой у деревни Еникей 2 января 1915 г. Волков получил Георгиевское оружие. В январе 1917 г. в составе полковой депутации как первый георгиевский кавалер полка он ездил в Царское Село представляться Императору. Мировую войну Вячеслав Иванович Волков закончил войсковым старшиной и командующим 7-м Сибирским казачьим полком.

Дело под Ардаганом стало началом героического пути 1-го Сибирского казачьего полка в Великую войну. Несомненным отзвуком его стал Высочайший приказ от 6 декабря 1916 г., которым Николай II принял шефство над 1-м полком и включил в его списки Своего сына — Августейшего Атамана всех казачьих войск, Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. С того момента полк стал именоваться «1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеева, ныне ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, полком», а его чины получили право носить на погонах Царские вензеля. Уже упомянутая полковая депутация, представлявшаяся Царской Семье в январе 1917 г., преподнесла Наследнику Цесаревичу форму казака-Ермаковца и маленькую шашку в роскошных серебряных ножнах. Следует еще упомянуть, что из 15 офицеров Сибирского казачьего войска, награжденных в 1914 — 1917 гг. Георгиевским оружием, 10 были Ермаковцами!

2-й Сибирский казачий полк за боевые отличия был представлен к шефству Наследника Цесаревича. В ходе Великой войны Отдельная Сибирская казачья бригада в целом так зарекомендовала себя, что Главнокомандующий Кавказским фронтом Великий Князь Николай Николаевич впоследствии назвал ее «Железной бригадой». 1-й Сибирский казачий полк за взятие Ардагана, а 2-й за действия под Ольтами были представлены к награждению Георгиевскими знаменами, и лишь революция остановила делопроизводство по этим представлениям.

ЧЕРНИГОВСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК В КАВАЛЕРИЙСКОЙ АТАКЕ ПРИ ОЛЕШИЦЕ 2 ИЮНЯ 1915 ГОДА

Нагрудный знак
17-го гусарского
Черниговского полка

Атака, проведенная русской конницей у галицийского местечка Олешнице 2 июня 1915 г. (все даты указаны по старому стилю), не получила должного отражения ни в специальных исторических трудах, ни в военной периодике. Лишь И.Ф.Рубец уделил ей несколько строк в своем перечне конных атак Российской Императорской кавалерии в Первую мировую войну («Военная Бель» № 76, ноябрь 1965 г.).

Бой при Олешнице был составной частью кровопролитного сражения под Любачевом, которое с 30 мая по 3 июня 1915 г. вели между собой германская 11-я армия

генерал-полковника А.фон Макензена, наступавшая к Львову, и русская 3-я армия генерала-от-инфантерии Л.В.Леща, входившая в состав Юго-Западного фронта (главнокомандующий — генерал-от-артиллерии Н.И.Иванов). Кульминацией этого боя стала конная атака, проведенная вечером 2-го июня, когда на помощь отступающим под натиском противника полкам 45-й пехотной и 3-й Кавказской стрелковой дивизий пришла русская кавалерия: Черниговские гусары, казаки 11-го Донского полка и один эскадрон Кинбурнских драгун. Эти части стремительно ударили на германский 91-й пехотный полк, выдвигавшийся к северу от местечка Олешнице, и нанесли ему полное поражение. Под влиянием столь решительных и самоотверженных действий конницы русская пехота прекратила свой беспорядочный отход и возвратилась на прежние позиции.

Важную роль в успехе нашей кавалерии у Олешнице сыграл Черниговский гусарский полк, чьи потери в конной атаке были больше, чем у остальных ее участников, вместе взятых.

17-й гусарский Черниговский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полк был сформирован 16 сентября 1896 г. в г. Орел из шести эскадронов, выделенных (по одному) из Елисаветградского, Александрийского, Белорусского, Нарвского, Переяславского и

Северского драгунских полков. Получив название 51-го драгунского Черниговского, этот полк с 1 апреля 1898 г. унаследовал старшинство Черниговского конно-егерского полка, расформированного 21 марта 1833 г. Последний был образован 30 августа 1668 г. из малороссийских казаков гетманом Украины Д.И.Многогрешным и за время своей службы Московским Царям и Российским Императорам неоднократно менял свое наименование. Первоначально это был охочекомонный или компанейский полк (до 1709 г. 3-й, затем 2-й), с 24 октября 1775 г. 2-й легкоконный полк Малороссийской конницы, с 1 мая 1779 г. — Черниговский легкоконный, с 9 февраля 1784 г. — Черниговский карабинерный, с 9 ноября 1796 г. — Черниговский кирасирский. В царствование Павла I полк назывался по именам своих шефов: генерал-майора, затем генерал-лейтенанта фон Эссена 2-го (31 октября 1798 г. — 20 декабря 1800 г. и 29 — 31 марта 1801 г.) и генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина (20 декабря 1800 г. — 29 марта 1801 г.). 31 марта 1801 г. он снова вернул себе название Черниговского кирасирского, но уже 31 июля того же года был преобразован в драгунский, а 17 декабря 1812 г. — в конно-егерский. В 1668 — 1833 гг. Черниговцы участвовали во многих войнах и за свои боевые подвиги получили следующие знаки отличия: 5 Георгиевских штандартов (белый полковой и 4 зеленых эскадронных) с надписью «За подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5000 корпуса с неприятелем, состоявшим из 30000», пожалованных 28 сентября 1807 г., и 19 Георгиевских труб с надписью «Черниговскому Конно-Егерскому полку за отличие против неприятеля в сражении у Кацбаха 14 Августа 1813 года», пожалованных 15 сентября 1813 г. При расформировании Черниговского конно-егерского полка его старшинство и знаки отличия (кроме 6-ти труб, попавших к Белорусским гусарам) перешли в Каргопольский драгунский полк, откуда в 1856 г. были переданы в Новомиргородский драгунский, переименованный с 1860 г. в Глуховский. Согласно Высочайшим приказам от 18 сентября 1896 г. и 1 апреля 1898 г., 16-й драгунский Глуховский полк передал эти регалии (полковой Георгиевский штандарт и 13 труб) новосформированному 51-му драгунскому Черниговскому полку.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, шеф Черниговского полка в 1898 — 1911 гг.

Новый Черниговский полк, чьим полковым праздником стал день 1 октября (Покров Пресвятой Богородицы), оказался достойным наследником своего славного предшественника. В июне 1904 г. он был отправлен в Манчжурию в составе 2-й отдельной кавалерийской бригады 17-го армейского корпуса и с отличием участвовал в боях против японцев у Лан-дань-Сяня (13 августа 1904 г.) и при Тадусампу, на реке Шахэ (24 сентября), в набеге конного отряда генерала Мищенко на г. Инкоу (27 декабря 1904 г. — 3 января 1905 г.), в делах у Сандепу, при взятии Коуцзыяна (20 февраля) и в бою под Санвайзой (18 июня 1905 г.). За войну с Японией полку 5 июля 1909 г. были пожалованы знаки на шапки с надписями: «За отличие в 1904 — 1905 г.г.» (в 1-м, 4-м и 5-м эскадронах) и «За дело 18-го июня 1905 года под Санвайзой» (во 2-м, 3-м и 6-м эскадронах). Еще раньше, 6 декабря 1907 г., 51-й драгунский Черниговский полк, чьим шефом с 19 августа 1898 г. являлась Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, был преобразован в гусарский, получив 17-й номер. До того времени должность командира полка занимали полковники: Афанасий Андреевич Цуриков (с 16 сентября 1896 г.), Виктор Семенович Зенкевич (с 26 марта 1901 г.), Алексей Михайлович фон Кауфман (с 12 апреля 1905 г.), князь Николай Валерьевич Урусов (с 9 июня 1907 г.) и флигель-адъютант Великий Князь Михаил Александрович (с 16 мая 1909 г.). Великий Князь 3 сентября 1911 г. был назначен новым шефом Черниговских гусар и оставался им до 4 марта 1917 г.

В мирное время 17-й гусарский Черниговский полк был расквартирован в Орле, где и застала его июльская мобилизация 1914 г. В период Великой войны он действовал на разных фронтах: Юго-Западном (июль 1914 г. — июнь 1915 г., апрель — июль 1916 г., апрель — сентябрь 1917 г.), Северо-Западном (июнь — август 1915 г.), Западном (август 1915 г. — ап-

рель 1916 г., июль 1916 г. — апрель 1917 г.) и Северном (сентябрь 1917 г. — март 1918 г.). Вместе с 18-м гусарским Нежинским полком Черниговцы составляли 2-ю отдельную кавалерийскую бригаду, а с 29 ноября 1914 г. — 1-ю бригаду 16-й кавалерийской дивизии. Командирами Черниговского полка в годы войны были: полковник Николай Сергеевич Блохин (с 17 сентября 1911 г.), полковник Владимир Николаевич Дессино (с 9 февраля 1915 г.), полковник (с 30 июля 1917 г. генерал-майор) Дмитрий Иванович Калинин (с 7 апреля 1917 г.) и полковник Александр Иванович Субботин (с 16 ноября 1917 г.).

В сражениях с австро-германцами Черниговские гусары достойно поддерживали свою боевую репутацию, совершив множество славных подвигов. К самым заметным из них, в частности, относятся: взятие города Рава-Русска (4 августа 1914 г.); кавалерийская схватка 26 августа 1914 г. у деревни Зелоне, в которой 6-м эскадрон полка был почти целиком изрублен эскадрон венгерских гусар; взятие города Ново-Сандец (6 ноября 1914 г.); конная атака 2 июня 1915 г. под местечком Олещице против германского 91-го пехотного полка; дело 19 сентября 1915 г. в районе деревень Собеница и Бельская Воля, где 2-й эскадрон под командой поручика Н.Н.Чайковского опрокинул 4 неприятельских эскадрона, а затем полностью уничтожил роту австрийской пехоты; штурм позиций противника у деревни Езерцы (28 мая 1916 г.) и бой при деревне Волчецк (23 июня 1916 г.), в ходе которого дивизион подполковника А.И.Субботина успешно атаковал части 5-го баварского резервного пехотного полка и батарею тяжелой артиллерии (при этом 2-й эскадрон захватил у германцев 3 исправных орудия).

Октябрьский переворот Черниговские гусары встретили в тылу Северного фронта, среди войск, находившихся под сильным большевистским влиянием. 28 ноября 1917 г. состоялись выборы полкового командира (им стал поручик Польшиков), а вскоре были отменены все офицерские звания. 5 марта 1918 г. полк, расквартированный в районе станции Волосово (Псковской губернии), получил приказ о своем расформировании и демобилизации личного состава. Основная масса нижних чинов после этого разъехалась по домам, однако многие из них позже оказались в рядах Красной Армии. К числу последних принадлежал, в частности, бывший унтер-офицер Александр Васильевич Горбатов (1891 — 1973), который за годы Гражданской войны дослужился до командира кавалерийской бригады, а впоследствии стал известным советским военачальником, генералом армии. Часть

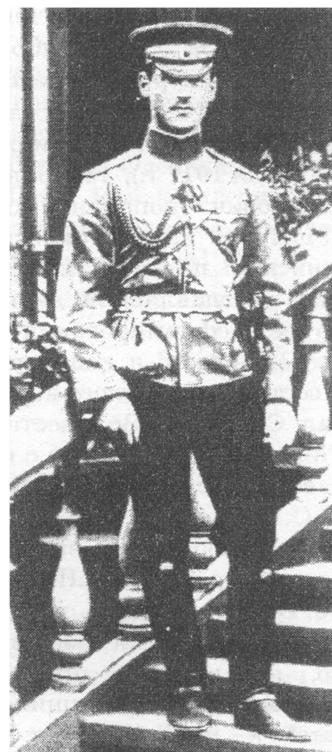

своих мемуаров он посвятил службе в Черниговском гусарском полку в 1912 — 1918 гг. (см. А.В.Горбатов. Годы и войны. М., 1989, с. 32 — 52).

Часть гусар оказалась в 1918 г. на Украине, где в составе армии гетмана П.П.Скоропадского был сформирован 17-й Черниговский конно-казачий полк (в г. Елисаветграде). Подавляющее большинство офицеров полка приняло участие в Белом движении. Весной 1919 г. Черниговские гусары возродились вновь на юге России (куда был вывезен и полковой Георгиевский штандарт) в виде трехэскадронного дивизиона, приданного 1-му конному полку Добровольческой Армии (1-й эскадрон был сформирован 22 марта, 2-й — 20 апреля, 3-й — в начале мая). На три четверти дивизион состоял из немецко-колонистов, но весь его командный кадр образовали офицеры прежнего 17-го гусарского Черниговского полка. 1 августа 1919 г. он вместе с дивизионом 11-го гусарского Изюмского полка вошел в Сводный гусарский полк (командир — полковник Б.А.Гаевский), вошедший в состав 1-й кавалерийской дивизии генерал-майора И.И.Чекатовского. В августе Черниговский дивизион был усилен еще одним эскадром, прибывшим из 1-го Черкесского конного полка. В октябре 1919 г. Черниговцы пополнились еще на 100 человек (добровольцев, набранных в Орловской губернии), так что встал вопрос о развертывании дивизиона, состоявшего из четырех эскадронов и пулеметной команды, в отдельный полк. Начавшееся отступление Добровольческой Армии помешало осуществлению этого плана. Понеся большие потери при отходе за Дон, Черниговский дивизион 22 декабря 1919 г. был свернут в один эскадрон, вошедший в 1-й сводный кавалерийский полк кавалерийской дивизии генерал-майора И.Г.Барбовича (последняя была 27 декабря сведена в одну бригаду, 27 января 1920 г. получила пополнение и к 14 февраля вновь была переименована в дивизию, но 23 февраля из-за потерь опять сведена в двухполковую бригаду). После эвакуации из Новороссии в Крым регулярная кавалерия Вооруженных Сил Юга России подверглась реорганизации: приказом от 16 апреля 1920 г. была восстановлена 1-я кавалерийская дивизия из 5-ти полков. Черниговские гусары тогда же перешли в 3-й кавалерийский полк, составив вместе с Изюмскими гусарами один сводный эскадрон. Первоначально они действовали в пешем строю, но в конце мая 1920 г. получили лошадей и вновь образовали отдельный Черниговский гусарский эскадрон. С 1-й кавалерийской дивизией генерал-майора В.Н.Выграня Черниговцы в ноябре 1920 г. были эвакуированы из Крыма в Турцию.

Часть эскадрона, погрузившаяся 2 ноября в Ялте на пароход «Крым», благополучно добралась до Галлиполи, но другая часть, отплывшая из Керчи на эскадренном миноносце «Живой», затонула вместе с кораблем во время сильного шторма (при этом погибло 16 офицеров 17-го гусарского Черниговского полка). В Галлиполи Черниговский эскадрон вошел во 2-й сводный кавалерийский полк (генерал-майора Е.В.Иванова), сформированный из прежних 3-го и 6-го кавалерийских полков. Осенью 1921 г. Черниговцы прибыли в Сербию в составе кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Барбовича, с которой в 1924 г. были включены в IV отдел Русского Обще-Воинского Союза. Еще в апреле 1921 г. было создано Общество объединения и взаимопомощи чинов Черниговского гусарского полка, 18 сентября 1930 г. зачисленное в РОВС, действовавшее до 1941 г. в Белграде и по окончании Второй мировой войны восстановленное в Сан-Франциско (США). Полковой штандарт до 1945 г. хранился в Югославии (в русской церкви в Белграде), откуда был перевезен полковником А.М.Нестеренко в Аргентину, а после трагической гибели последнего в руднике — доставлен в г. Лос-Анжелес (США). В настоящее время полковая святыня Черниговских гусар находится в Сан-Франциско.

16-я кавалерийская дивизия, в состав которой в годы Великой войны входил 17-й гусарский Черниговский полк, была образована 29 ноября 1914 г. из 2-й и 3-й отдельных кавалерийских бригад. Она действовала на Юго-Западном, Северо-Западном, Западном и Северном фронтах (до своего расформирования, последовавшего 5 марта 1918 г.). Начальниками дивизии и командующими

Великий Князь Михаил Александрович, командир (1909— 1911) и шеф (1911— 1917) Черниговских гусар, в форме полка

ею были: генерал-лейтенант Абрам Михайлович Драгомиров (с 29 ноября 1914 г. по 9 апреля 1915 г.), генерал-лейтенант Николай Герасимович Володченко (с 26 апреля 1915 г.), генерал-майор Дмитрий Иосифович Ромейко-Гурко (с 7 апреля 1917 г.), генерал-майор Александр Александрович Оноприенко (с 27 августа по 14 ноября 1917 г.) и штабс-ротмистр 18-го гусарского Нежинского полка М.Н.Морозов (выборный начальник, возглавлявший дивизию с 18 ноября 1917 г. до ее расформирования). Во время сражения под Любачевом 16-я кавалерийская дивизия входила в состав 4-го конного корпуса, которым командовал Свиты Его Величества генерал-майор Я.Ф.фон Гилленшмидт. Вместе с ней в корпус входили 7-я кавалерийская (начальник — генерал-лейтенант Ф.С.Рерберг) и 3-я Донская казачья (командующий — Свиты Его Величества генерал-майор князь А.Н.Долгоруков) дивизии.

В этот период начальником 16-й кавалерийской дивизии был генерал-лейтенант Н.Г.Володченко, начальником штаба — Генерального Штаба полковник А.П.Ревитшин, старшим адъютантом штаба — штабс-капитан В.С.Желенский. 1-ю бригаду (командир — генерал-майор П.И.Суковкин) составляли полки: 17-й гусарский Черниговский (времененно командующий — полковник Д.И.Калинин) и 18-й гусарский Нежинский (времененно командующий — полковник М.Е.Аленич); 2-ю бригаду (командир — генерал-майор В.А.Константинов) — полки: 16-й уланский Новоархангельский (времененно командующий — полковник Г.М.Лермонтов) и 17-й уланский Новомиргородский (командир — полковник А.И.Костенко). Кроме того, в дивизию входили: конно-пулеметная команда (8 пулеметов) и 2-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (командующий — войсковой старшина К.Я.Гурьев), состоявший из 4-й и 6-й Оренбургских казачьих батарей. В каждом кавалерийском полку было по 6 эскадронов, в каждой батарее — по 4 легких конных орудия.

Соседями Черниговцев во время сражения под Любачевом были части 2-го Кавказского армейского корпуса (командир — генерал-от-артиллерии С.Б.Мехмандаров), состоявшего в то время из Кавказской гренадерской, 51-й пехотной и 3-й Кавказской стрелковой дивизий (последняя 31 мая 1915 г. перешла из 5-го Кавказского армейского корпуса). Корпус входил в 3-ю армию Юго-Западного фронта и 2 июня 1915 г. (с 16.00) был включен в группу генерала-от-инфантерии В.А.Олохова, образованную из 2-го и 5-го Кавказских, 23-го и 29-го армейских и 4-го конного корпусов.

Против русского 2-го Кавказского корпуса действовал ударный корпус 11-й германской армии — 10-й армейский (командир — генерал пехоты фон Эммих), который состоял из двух пехотных диви-

зий, укомплектованных жителями Северной Германии. Правый фланг этого корпуса, наступавшего в общем направлении на город Любачев, составляла 20-я (брауншвейгская) дивизия (командир — генерал-лейтенант Риттер унд Эдлер фон Эттингер), а левый — 19-я (ганноверская) дивизия (командир — генерал-лейтенант Хофманн).

На местечко Олещице и далее вдоль шоссе, ведущего к Дахнову, наступал Ольденбургский пехотный полк № 91, составлявший левый фланг 19-й (ганноверской) дивизии 10-го армейского корпуса. Правее его действовали другие пехотные части той же дивизии — 1-й Ганноверский полк № 74 и полк Герцога Фридриха-Вильгельма Брауншвейгского (восточно-фрисландский) № 78. Мощную огневую поддержку этой пехоте оказывали батареи 19-й полевой артиллерийской бригады, осыпавшие русские окопы градом снарядов. Слева от 19-й пехотной дивизии (к западу от Олещице) продвигалась вперед 8-я баварская резервная дивизия, входившая в состав сводного корпуса генерал-лейтенанта фон Штейна, а справа — 20-я пехотная дивизия 10-го корпуса.

Прусский 91-й пехотный полк, с которым пришлось столкнуться в бою Черниговским гусарам, был образован в декабре 1813 г. из 129-го линейного (ольденбургского) полка, ранее находившегося на французской службе. Его полковым шефом с 1900 г. являлся Великий Герцог Фридрих-Август Ольденбургский, имевший в германской армии чин генерала кавалерии. В мирное время полк был расквартирован в городе Ольденбург — столице одноименного герцогства. С начала Первой мировой войны он действовал в Бельгии и Франции, особенно отличившись при взятии Льежа и в кровопролитных боях на реках Самбра, Марна и Эн. В эту кампанию ольденбургцы приобрели не только прекрасную боевую репутацию, но и почетный трофей — знамя 1-го полка алжирских стрелков, которое ефрейтор 4-й роты Рик захватил у французов в бою при Шатле 9 (22) августа 1914 г. Вместе с 10-м армейским корпусом 91-й полк был в апреле 1915 г. переброшен из-под Реймса на русский фронт, где участвовал затем в знаменитом Горлицком прорыве и последующем наступлении 11-й германской армии в Галиции (при этом он потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 3742 человек, в том числе 74 офицеров). В сентябре 1915 г. полк возвратился во Францию, однако в июне — ноябре 1916 г. снова сражался на галицийском фронте, спасая от разгрома австрийских союзников. За время боевых действий против русских войск в 1915 и 1916 г. ольденбургцы захватили 31 пулемет и взяли в плен 12 офицеров и 11820 нижних чинов.

В бою при Олещице 91-м пехотным полком командовал майор фон Хоэнхорст. Полк состоял из трех батальонов (по 4 стрелковых роты в

каждом) и отдельной пулеметной роты (10 пулеметов). Перед наступлением на Любачев (28 мая 1915 г.) он получил пополнение в виде маршевого батальона, насчитывавшего около 1000 рекрутов и эрзац-резервистов. Накануне боя, по показаниям пленных германцев, в ротах 91-го полка было в среднем по 3 офицера и 190 солдат, а весь боевой состав полка достигал 2500 человек.

Именно этот германский полк 2 июня 1915 г. вы-

бил из местечка Олешнице и продолжал теснить русскую пехоту, когда на выручку последней пришли Черниговские гусары, Кинбурнские драгуны и казаки-Донцы. Отдавая дань памяти славному подвигу 17-го гусарского Черниговского полка, мы публикуем документ о его участии в бою при Олешнице, хранящийся в фонде № 3526 (Штаб 16-й кавалерийской дивизии) Российского государственного военно-исторического архива (оп. 2, д. 8, лл. 138 — 141 об.).

(Окончание следует)

РИСУНКИ ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

... У меня в руках — небольшой альбом, какие в начале века использовали для зарисовок с натуры. На обтянутой светлой материей обложке каллиграфическим почерком по старой орфографии выведено: «На румынском крейсере “Дакия”», а ниже, уже другой рукой, дописано — «1917 г.». На первой странице альбома, рядом с оттиском печати «Торговый дом А.О.Кашкова ПГ., Невский, 102», уже в советское время была сделана пояснительная надпись: «Все зарисовки в альбоме производились с натуры Федором Алексеевичем Гусаковым, служившим в то время во флоте в качестве инженер-механика...» А дальше шли рисунки, выполненные одним из младших офицеров Черноморского флота в июле — августе 1917 года, каждый — с собственноручной подписью автора.

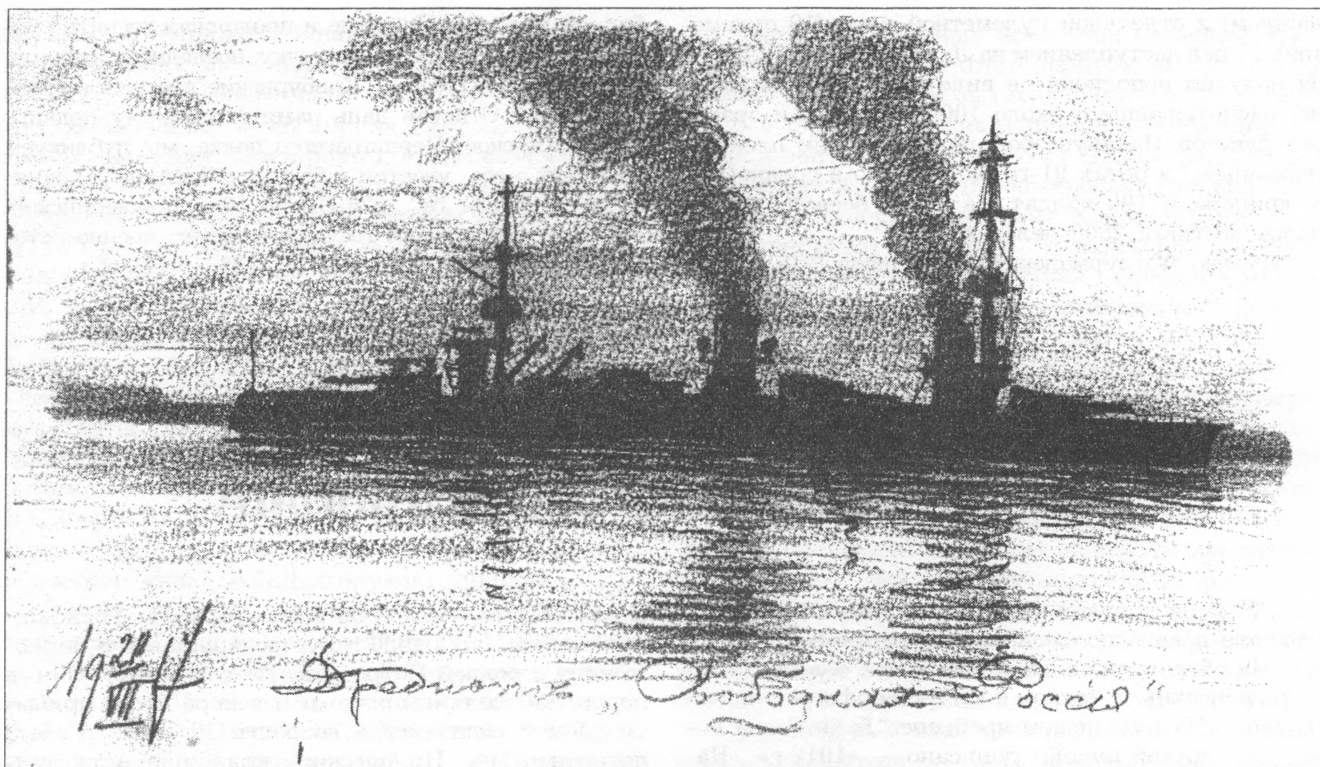
Здесь я позволю себе сделать небольшое дополнение к процитированным выше надписям. Корабль, с борта которого были сделаны все эти зарисовки — бывший румынский товаро-пассажирский пароход «Дакия» — после вступления Румынии в войну был в 1916 году передан в состав русского Черноморского флота и плавал под Андреевским Флагом сначала как посыльное судно, а затем — как «гидрокрейсер» (вспомогательный крейсер, несший на борту несколько гидросамолетов). На него и был призван из запаса Ф.А.Гусаков, ставший корабельным инженер-механиком «Дакии». На его рисунках, сочетающих художественность с документальностью, различимы и узнаваемы славные русские корабли (их названия раскрываются в кратких примечаниях к рисункам). Старый альбом хранит и ценные свидетельства о двух практически забытых ныне набеговых операциях кораблей Черноморского флота — на турецкие порты Терме и Орду в Лазистане (северное побережье Малой Азии) 31 июля и 11 августа 1917 года соответственно.

Автору рисунков посчастливилось избежать гибели в период кровавых революционных потря-

сений 1917-го, уцелел он и в мясорубке Гражданской войны, но в 1920 году, возвращаясь с Черного моря в родной Петроград, Федор Алексеевич в дороге заболел «сыпняком» и вскоре после прибытия домой скончался в возрасте 30 лет и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры «Северной столицы». А его карманный альбомчик, проделавший со своим хозяином плавание по всему Черному морю от Севастополя до берегов Лазистана, а затем пропутешествовавший с ним в Петроград, пережил там страшные 30-е годы (когда хранение подобной вещи могло стоить свободы или даже жизни человеку, у которого она была бы найдена), не сгорел в печке-«буржуйке» в студеную блокадную зиму...

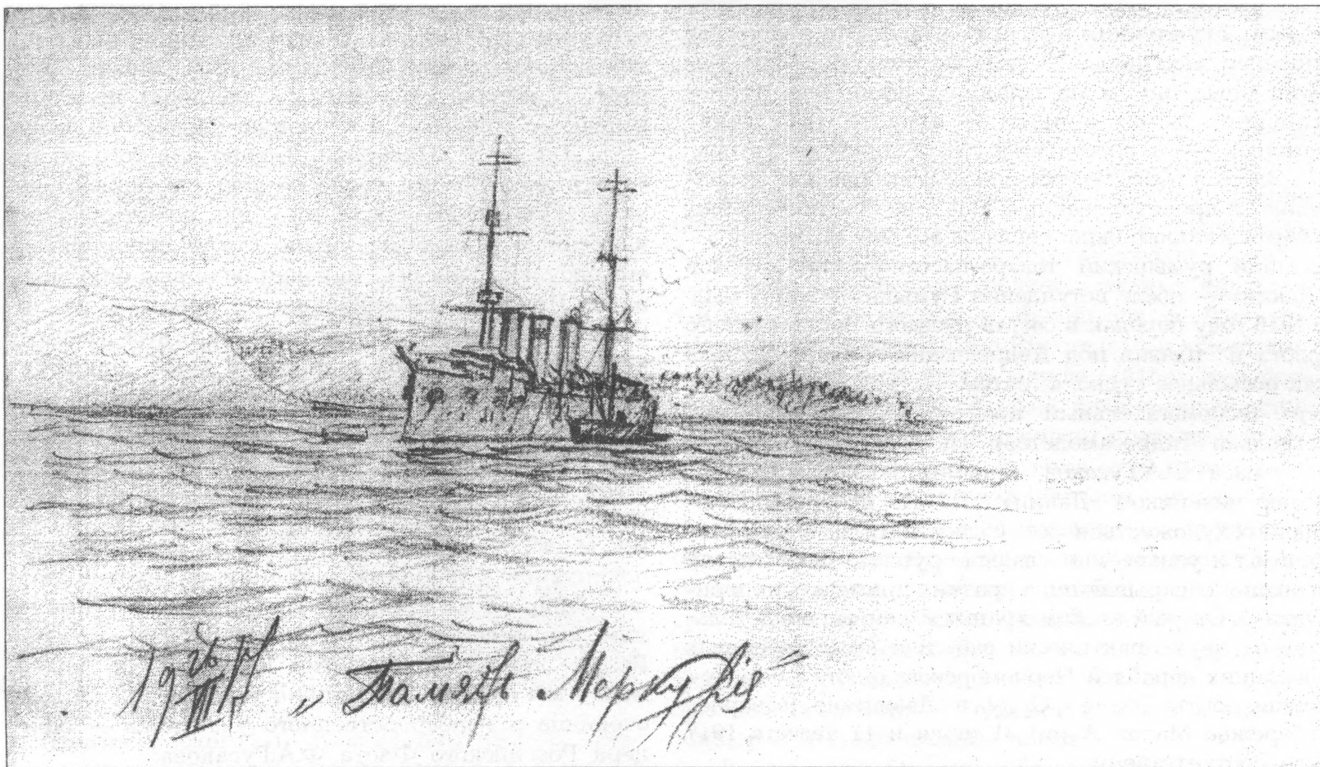
... Для чего? Наверное, именно для того, чтобы спустя десятилетия после смерти его первого хозяина-художника, после того, как события, запечатленные в альбоме, давно стали историей, — его рисунки были бы, наконец, впервые опубликованы. Причем опубликованы не просто в каком-нибудь случайно выбранном издании (многие не прочь обратиться к морской теме накануне 300-летнего юбилея Отечественного Флота), а в русском историческом журнале «Военная Быль». В той самой «Военной Были», авторами и читателями которой являлись и «соплататели» и боевые товарищи инженер-механика Гусакова по Черному морю и по Великой войне на нем, навсегда покинувшие в 1920-м свою Родину, не спустив славного Андреевского Флага. Нынешним же читателям возрожденной в России парижской «Военной Были», далеким от событий 1917 года на Черном море, мы предлагаем сегодня увидеть их глазами очевидца и непосредственного участника — офицера Российского Флота Ф.А.Гусакова.

К. СТРЕЛЬБИЦКИЙ

Дредноут «Свободная Россия». 21 июля 1917 г. Севастополь.

На рисунке изображен сильнейший в то время военный корабль на Черном море — линейный корабль-дредноут (англ. «dreadnought») «Свободная Россия», до Февральского переворота носивший имя «Императрица Екатерина Великая» (первоначально — «Екатерина II»).

«Память Меркурия». 26 июля 1917 г.

Крейсер 1 ранга, до 1907 г. назывался «Кагул», затем получил традиционное в Российском Флоте имя «Память Меркурия».

«Иоанн Златоуст». 27 июля 1917 г.

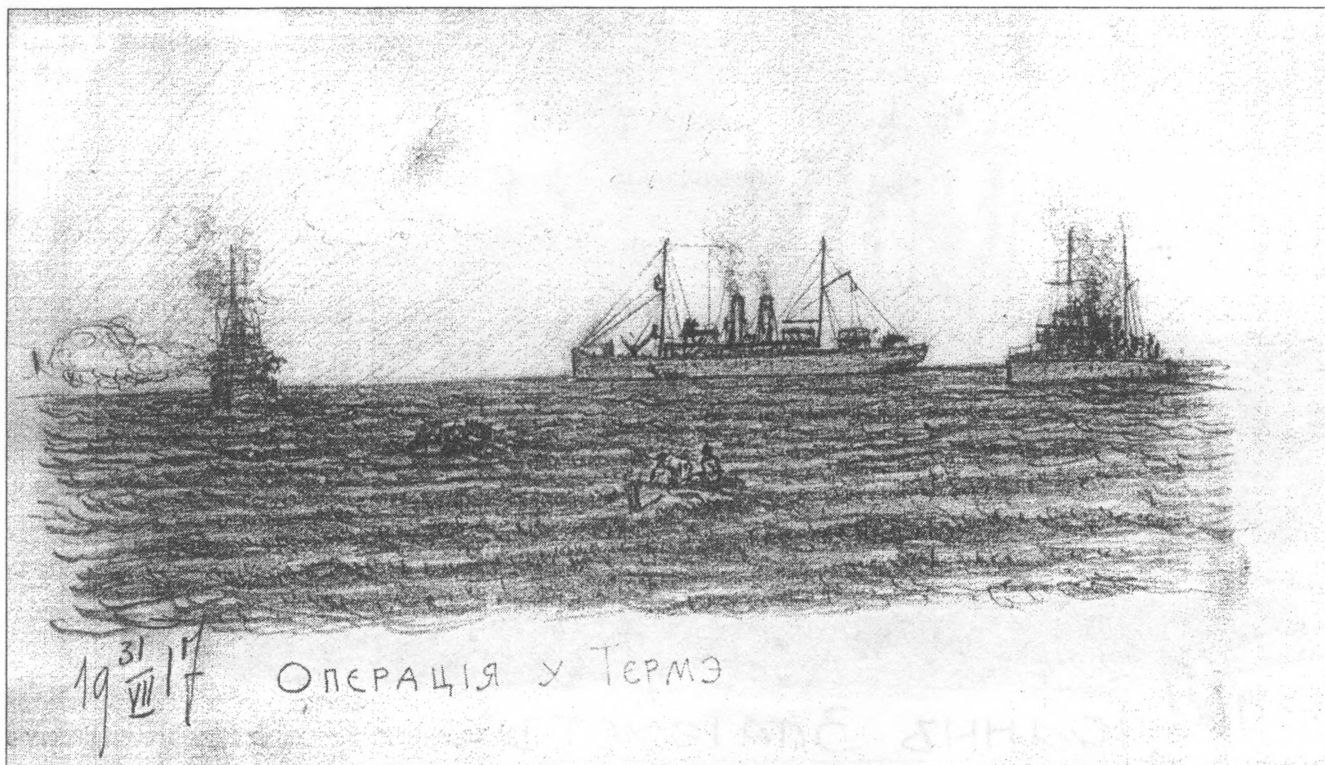
Линейный корабль додредноутного типа (бывший эскадренный броненосец).

2-я бригада линейных кораблей в кильватерной колонне. 27 июля 1917 г.

В центре рисунка, изображающего часть кильватерного строя линейных кораблей старой постройки, — линкор «Борец за свободу» (так после революции 1917 года назывался бывший эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический», печально знаменитый своим матросским бунтом в 1905-м; в 1905 — 1917 гг. он носил имя «Пантелеймон»).

Операція у Термэ. 31 июля 1917 г.

В центре — гидрокрейсер «Император Траян» (однотипный с кораблем самого художника — «Дакийей»), рядом с ним — два старых, «угольных» миноносца.

Турецкіе берега у Термэ. 31 июля 1917 г.

Один из миноносцев-«угольщиков», над которым в небе видна летающая лодка с гидрокрейсера.

Обстрел города Орду нашей эскадрой. 11 августа 1917 г.

На рисунке можно различить силуэты двух миноносцев-«угольщиков» (слева и справа), гидрокрейсера «Император Траян» (в центре) и охраняющего их со стороны моря катера-истребителя подводных лодок (на переднем плане).

Эпизод бомбардировки г. Орду. 12 августа 1917 г.

Рисунок, очевидно, сделан художником с помощью бинокля, так как трудно предположить, чтобы его гидрокрейсер «Дакия» с большой осадкой мог подойти так близко к берегу.

«...ЭТИ МРАЧНЫЕ ДЛЯ НАС ГОДЫ»

(Неизвестное письмо генерала Н.Н.Мартоса)

Публикуемое письмо генерала Николая Николаевича Мартоса было обнаружено нами среди бумаг полковника Генерального Штаба Павла Николаевича Богдановича. Папки с этими бумагами пролежали у разных лиц почти 50 лет, с тех пор, когда полковник Богданович, поспешно уезжая в Аргентину, бросил свой архив на юге Франции. Только недавно он был приобретен Обществом Ревнителей Русской Истории в Париже.

В годы второй мировой войны, во время оккупации немцами Парижа, полковник Богданович принял должность редактора еженедельника «Парижский Вестник». Несмотря на то, что он подлежал увольнению по требованию Гестапо за принадлежность «к монархическому движению» (согласно документам, опубликованным в журнале «Часовой» № 564, июнь 1973), он вынужден был все же поспешно покинуть Францию по окончании войны.

В Буэнос Айресе полковник Богданович смог, наконец, опубликовать («хотя бы в половинном размере») свой труд, для которого он собирал материал с того злополучного августовского дня 1914 г., когда он — тогда молодой капитан Генерального Штаба, и.д. начальника штаба 8-ой пехотной дивизии 15-го армейского корпуса генерала Мартоса — попал в плен во время катастрофы 2-ой армии генерала Самсонова: «Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба Армии генерала Самсонова» (Буэнос Айрес, 1964).

Капитану Богдановичу удалось бежать из германского плена в 1917 г. в Голландию, откуда он попал на службу в военную миссию при русском посольстве в Париже, где он был произведен в полковника (старшинство с 15 января 1921 г.)...

Тогда, в Париже, он и обратился к ряду уцелевших офицеров 2-ой русской армии и, прежде всего, к командиру 15-го армейского корпуса генералу Мартосу, с просьбой предоставить ему воспоминания и материалы о катастрофе в Восточной Пруссии. Как видно из публикуемого письма, генерал Мартос весьма уклончиво ответил относительно своих воспоминаний, сославшись на то, что он уничтожил свои записки «о пережитом в Восточной Пруссии» в 1918 г. В действительности, эти свои записки, возможно восстановленные уже в эмиграции, в Загребе, генерал Мартос передал генералу Н.Н.Головину. В своем фундаментальном труде — «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии» (Прага, 1926) — генерал Голо-

вин дважды приводит длинные выдержки из полученного им от генерала Мартоса «Очерка действий XV армейского корпуса в Восточной Пруссии» (стр. 272 — 276 и 303 — 305). Рукопись этого очерка хранилась в архиве генерала Головина (см. указ. соч., стр. 272).

Попутно отметим, что полковник Богданович в Аргентине не смог воспользоваться рядом материалов из своего архива, в частности, воспоминаниями полковника фон Штубендорфа — начальника штаба 8-ой дивизии 15-го армейского корпуса.

Возвращаясь к письму генерала Мартоса, следует прежде всего отметить, что до сих пор никогда еще не было ничего опубликовано относительно пребывания этого доблестного генерала в плену, о его отношениях с генералом Деникиным, участии в гражданской войне и, наконец, о его жизни в эмиграции.

А вместе с тем, именно генералу Мартосу А.И.Солженицын посвятил немало страниц в своем написанном с таким подъемом 1-ом Узле — «Август Четырнадцатого». У Солженицына генерал Мартос — блестящее исключение среди неудачных командиров корпусов злополучной 2-ой армии ген. Самсонова. В своем художественном портрете генерала Мартоса А.И.Солженицын без сомнения пользовался свидетельством полковника Богдановича, писавшего о нем: «Небольшого роста, поджарый, энергичный, напористый и порывистый, авторитетный и властный, но всегда дисциплинированный, Мартос был просвещенным и способным офицером генерального штаба... Обладал даром истинного вождя — способностью быстро, точно и трезво разобраться в любой обстановке» (П.Н.Богданович, указ. соч., стр. 257).

«Генерал от инфантерии Николай Николаевич Мартос, — писал А.И.Солженицын, — был, как говорится, “человек не пролей капельки”. Ему невыносимо было российское растяпство, “обождем”, “утро вечера мудренней”... Мартос первый из корпусных

Генерал Н.Н.Мартос

командиров проводил время не в штабе корпуса, а на командном пункте, с которого виден противник и где снаряды его рвутся» (А.И.Солженицын. Август Четырнадцатого. ИМКА Пресс, Париж, 1971, стр. 256 — 258).

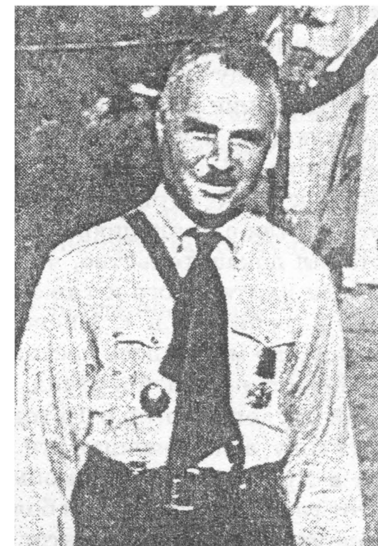
Еще дальше идет Солженицын-историк в новом издании «Августа Четырнадцатого» (ИМКА Пресс, 1983). Он утверждает, что не только победа 1-ой русской армии под Гумбиненом, но еще более победа 15-го корпуса генерала Мартоса под Орлау была тем решающим ударом, которого не выдержал фактический германский главнокомандующий генерал граф Мольтке младший, приказав «снять два действующих корпуса — резервный гвардейский и 11-ый армейский — с заходящего в Париж правого крыла и послать их в Восточную Пруссию» (т. I, стр. 235).

Иначе говоря, Солженицын придает исключительное значение победе 15-го корпуса под Орлау — из-за нее был сорван план Шлиффена и из-за нее немцы потерпели судьбоносное поражение на Марне.

В заключение необходимо кратко напомнить основные этапы служебной карьеры генерала Мартоса. Родился 20 ноября 1858 г. Окончив Петровско-Полтавскую военную гимназию и Павловское военное училище, вышел в Лейб-Гв. Волынский полк и в чине подпоручика участвовал во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. в боях за Горный Дубняк и под Плевной. Уже тогда был награжден орденами Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом и Св. Анны 4 степени с надписью «за храбрость». В 1883 г. окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба и начал служить старшим адъютантом в штабах прославленных Кавказских дивизий — 39-ой пехотной, 2-ой Кавказской казачьей и, наконец, Кавказской Гренадерской. Произведен в полковники в 1894 г. и переведен в Одесский военный округ, где занимал должность начальника штаба округа, а затем начальника штаба 14-ой кавалерийской и 13-ой пехотной дивизий. В 1900 г. в связи с военными действиями в Китае был назначен начальником штаба десантного отряда. В 1901 г. — на должности генерала для особых поручений в Одесском округе. 14 апреля 1902 г. произведен в генерал-майоры и вскоре назначен генерал-квартирмейстером штаба Одесского военного округа. 17 октября 1904 г. по собственному желанию отправлен в распоряжение командующего Маньчжурской армии, а с февраля 1905 г. — начальник штаба 8-го армейского корпуса. С августа 1905 г. начальник 15-ой пехотной дивизии. Награжден многими орденами, в том числе Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 1 степени и золотым оружием. В 1907 г. — генерал-лейтенант и помощник командующего Приамурским военным округом. В 1910 г. на той же должности в Виленском военном

округе. 28 февраля 1911 г. назначен командиром 15-го армейского корпуса, с которым вышел на фронт Восточной Пруссии в 1914 г. Генерал-от-инфантерии со старшинством с 31 мая 1913 г. В ночь с 15/28 на 16/29 августа 1914 г. захвачен в плен немецкой кавалерией, будучи тяжело контуженным.

Дальнейшее видно из письма. В эмиграции, служа в Загребе, в югославянском военном ведомстве, генерал Мартос жил замкнуто и мало общался, хотя и состоял в Русском Обще-Воинском Союзе. Редко посещал собрания, но присутствовал на похоронах начальника отдела РОВСа в Загребе генерала-от-инфантерии Адлерберга. Скончался в Загребе 14 октября 1933 г. и похоронен с воинскими почестями на местном православном кладбище.

Генерального Штаба полковник П.Н.Богданович в форме Национальной Организации Русских Разведчиков. 1930-ые гг.

Н.РУТЫЧ
(Предисловие и публикация)

22 Октября 1922 г.
Загреб

Дорогой и уважаемый сослуживец, простите, что, хорошо помня Ваше имя, забыл отчество. С истинным удовольствием получил Ваше письмо, но оно пролежало долго в русском комитете, где я почти никогда не бываю. Мой же адрес (служебный) — Zagreb, Jlica 207, Uprava vojne Odece. Здесь же я временно и живу, так как должен был очистить хорошую комнату, где я жил 1½ года, а другой пока не могу получить.

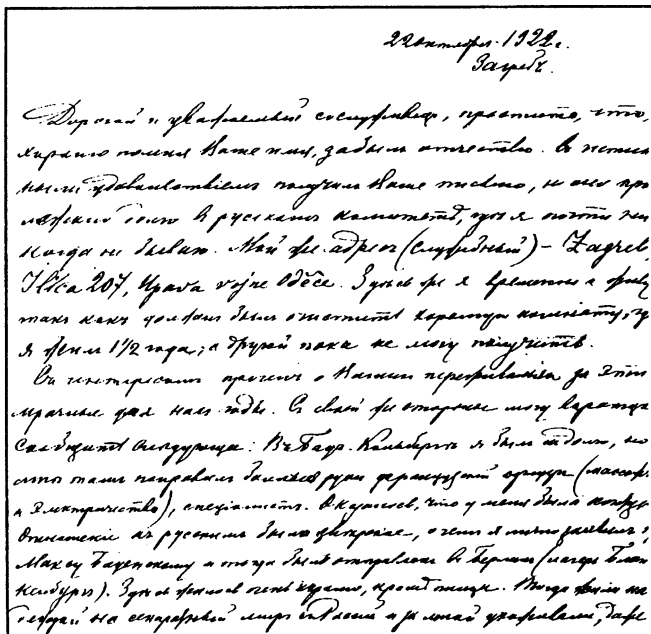
С интересом прочел о Ваших переживаниях за эти мрачные для нас годы. С своей же стороны могу вкратце сообщить следующее: В Бад-Кольберге я был не долго, но мне там поправил больные руки французский офицер (массаж и электричество), специалист. Оказалось, что у меня была контузия. Отношение к русским было зверское, о чем я лично заявил пр[инцу] Максуду Баденскому и тогда был отправлен в Берлин (лагерь Бланкенбург). Здесь жилось очень хорошо, кроме пищи. Тогда жили надеждой на сепаратный мир с Россией,

и за мной ухаживали, даже обращались с просьбами о немецких пленных, и я вел переписку по этому поводу с Начальником нашего Главного Штаба. Накануне отправки моей в Данию произошла революция, а затем большевизм. Положение изменилось. Меня продержали 4 месяца в каземате кр[епо]сти Кюстрин, а затем совершенно больного отправили в Совдепию, несмотря на то, что я представил доказательство, что я уроженец Украины. После длительного и тяжелого путешествия я попал в госпиталь в г. Мценск (Орловской губ.). Неожиданно меня здесь постигло тяжкое горе: в один из печальных дней я узнал, что один мой сын (бывший студент) погиб в 16 году, а другой (гусар) — в 17 году, а скрывавшая эти потери моя жена умерла в Ярославле перед моим возвращением, когда этот город обстреливали большевики. Не знаю, как мне удалось пережить этот удар судьбы. Но после этого я пролежал в госпитале еще два месяца, а затем в Октябре был переведен в Московский госпиталь и в качестве инвалида и уроженца Полтавской губернии отправлен на Украину. Но в Москве я чуть не попал в чрезвычайку. Меня спас и устроил мой отъезд сын бывшего К[оманди]ра 6-го корпуса Благовещенский, который служил Правителем Дел у одного важного Комиссара. Этот же Благовещенский (Военный Юрист) был в Комиссии Генер[ала] Пантелеева при расследовании катастрофы с армией Самсонова. Он дал мне прочесть интересный отчет этой Комиссии. Действия нашего корпуса в отчете были названы доблестными, а я дважды в нем был назван «доблестным

генералом». Вот Вам и предания «старины глубокой»...

Перед отъездом из Москвы в Киев я вынужден был уничтожить свои записки, составленные мною в Бланкенбурге о пережитом в Восточной Пруссии. И теперь у меня ничего нет. Дотащившись до Киева, будучи еще больным, я попал в Лукьяновскую тюрьму. Жандармы Гетмана Скоропадского сочли меня за агента большевиков, считая, что иначе я не был бы выпущен из Совдепии. Меня освободил Военный Министр Рагоза (мы были с ним близки), и я поселился у брата, которого нашел в Киеве на его прежней квартире. Сюда же приехал из Севастополя разыскиваемый мною единственный оставшийся из семьи старший сын; он взял меня к себе, и мы скорым поездом благополучно доехали и даже привезли два сундука, которые были у брата, с моим платьем и другими вещами, — это было все мое имущество. Всю обстановку квартиры забрали из Варшавы немцы; все ценные вещи погибли в Ярославле. В Москве у меня вытащили кошелек, и я приехал в Севастополь, имея 40 царских рублей! В это время по всей Украине были немецкие войска и был сравнительный порядок, а Крым был республикой с Сулькевичем (бывшим К[оманди]ром полка в моей 15 пех[отной] дивизии) во главе. Затем тут была сформирована Крымско-Азовская добровольческая Армия по указаниям из Екатеринодара, где главенствовал Деникин. Мне предложили быть Начальником Санитарной Части. Я, конечно, согласился. К этому времени большевики заняли всю Украину и повели наступление на Крым. Тут мне предложили пост Военного Министра Крымской Республики, но я отказался, так как было ясно, что дело проиграно, благодаря глупой политике по отношению татарского населения. В Апреле 1919 года мы вынуждены были бежать на Кубань, а небольшие части удержались в Керчи.

Затем начались успехи Деникина на Кубани и на других направлениях. Мы заняли Ростов, Царицын, Харьков, весь Крым, Одессу, Николаев и дошли до Орла. В это время Деникин предложил мне должность Командующего Государственной Стражей, которую я и занимал до конца. В строй старых генералов не пускали, считая их отжившими. Полками, дивизиями и корпусами командовали молодцы, попавшие «в случай». Грабежи пошли сногшибательные, армия быстро разлагалась и быстро назревала катастрофа. Перед эвакуацией Ростова мне предложен был пост Министра Внутренних Дел, но я, конечно, отказался. Хотя об этом назначении писали уже газеты, и я получал даже поздравления от доброжелателей. При отступлении армия почти растаяла, а казаки изменили. В Марте 1920 г. мы покинули родину и скитальцами через Царьград прибыли в Салоники, а затем в Сербию. Здесь мы стали

Первая страница письма генерала Н.Н.Мартоса полковнику П.Н.Богдановичу. Оригинал хранится в архиве Общества Ревнителей Русской Истории (Париж)

ежемесячно получать маленькое пособие на пропитание. А затем через пять месяцев я получил должность чиновника в военном ведомстве, в которой состою и по сей день. Содержание было достаточное, но теперь здесь цены выросли вдвое, так что едва хватает на жизнь, а одевать себя не на что.

Сын сюда приехал со мной. Он здесь женился. Невеста, с которой он должен был повенчаться еще в Севастополе, была эвакуирована сперва в Египет, а год назад приехала сюда. Они живут в Белграде, где и он, и она имеют службу. Я к ним иногда наезжаю в гости.

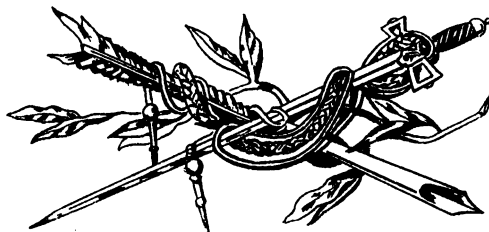
Буду очень рад Вас видеть. Если Вы будете следовать железной дорогой, то телеграфируйте, я в Загребе выйду к поезду.

Как видите, человек и в мои годы очень живуч. А для чего в этих условиях живешь — и сам не знаешь.

Еще раз благодарю Вас за память и добрые слова. Приезжайте или пишите. Всего лучшего.

Искренне преданный Вам

Н. Мартос

В.ЧИЧЕРЮКИН-МЕЙНГАРД

СУДЬБА ГЕНЕРАЛА Д.К.ГУНЦАДЗЕ

Генерал Российской Императорской Армии, кавалер ордена Св. Георгия Победоносца, Давид Константинович Гунцадзе был одним из тех русских генералов, которые в годы Второй Отечественной войны командовали войсковыми соединениями. Волею судеб он стал последним командующим XII-й армией, оставившей яркий след в истории той войны. К сожалению, сведения о генерале Гунцадзе сохранились довольно скудные и отрывочные, в особенности те, что касаются последних лет его жизни.

Давид Константинович Гунцадзе родился в селе Квалити Кутаисской губернии в дворянской семье 8-го сентября 1861 года (старый стиль). Как явствует из его Послужного списка, хранящегося в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве, образование он получил в Елисаветградской военной прогимназии и Киевском пехотном юнкерском училище¹. Его военная карьера, начавшаяся в эпоху Императора Александра II и реформ тогдашнего военного министра генерала Д.А.Милютина, была типичной для тысяч русских офицеров конца XIX — начала XX вв. К 1901 г. Давид Гунцадзе дослужился до чина капитана, проходя службу в 38-м пехотном Тобольском полку. В 1905 г. капитан Гунцадзе был переведен в 150-й пехотный Таманский полк, расквартированный в горо-

де Кобрин (Варшавский военный округ). За усердную службу в эти годы он был пожалован орденами Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Станислава 2-й ст. (1902), Св. Анны 2-й ст.² Последним орденом капитан Гунцадзе, возможно, был награжден за участие в Русско-японской войне, — ее участником он был согласно сведениям в справочнике «Список генералам по старшинству» 1916 г., однако в Послужном списке (РГВИА) запись об этом отсутствует.

Немногие свободные часы Д.К.Гунцадзе проводил со своей семьей. Он был женат на дочери поручика Макара Котляревского Ольге и имел семерых детей. Все три его сына, очевидно, под влиянием примера отца, решили стать офицерами Российской Императорской Армии. К началу Второй Отечественной войны старший из них, Евгений, закончил военное училище и в чине подпоручика был выпущен в полк. Владимир и Константин Гунцадзе стали офицерами уже в годы войны.

25-го февраля 1912 г. полковник Гунцадзе вступил в командование 97-м пехотным Лифляндским генерал-фельдмаршала Графа Шереметьева полком, расквартированным в городе Двинске³ (непосредственно перед этим он был в 150-м пехотном Таманском полку помощником командира полка).

Генерал Д.К.Гунцадзе

В Двинске он вновь проявил себя требовательным и строгим командиром, о чем свидетельствовало награждение орденом Св. Владимира 3-й ст.⁴ Будучи строевым офицером, он успешно окончил Офицерскую стрелковую школу, а в полку дважды отмечался призами за меткую стрельбу⁵.

С началом Второй Отечественной войны (1914) 97-й пехотный Лифляндский полк был переброшен из Двинска к прусской границе. Здесь полк, входивший в состав 25-й пехотной дивизии 36-го армейского корпуса, был включен в состав II-й армии Северо-Западного фронта и принял участие в Восточно-Прусской операции⁶. Перейдя государственную границу, полк с боями продвигался вглубь вражеской территории. 17-го августа 25-я пехотная дивизия, наступая севернее Сталюпенена, захватила 6 германских орудий и оттеснила левофланговые части 1-й германской дивизии почти к самому Сталюпенену. Через три дня — 20-го августа — дивизия достигла линии Колпакен — Грудчен⁷. Потерпев поражение в Восточно-Прусской операции, русские войска отступили к своей границе, где продолжали вести оборонительные бои.

С первых месяцев войны полковник Гунцадзе, командуя своим полком, находился под огнем врага. Его храбрость была отмечена в октябре 1914 г. Георгиевским оружием «за отличия в делах против неприятеля»⁸. В эти дни, осенью 1914 г., 97-й Лифляндский полк противостоял немцам на Немане, у местечка Сувалки, а в октябре вел бои на реках Равка и Висла⁹. Высочайшим приказом от 13 апреля 1915 г. Д.К.Гунцадзе, уже произведенный к тому времени в генерал-майоры, был назначен командиром бригады 67-й пехотной дивизии (с зачислением по армейской пехоте). В течение первого года войны он был пожалован за отличия в делах против неприятеля мечами к имеющемуся ордену Св. Владимира 3-й ст., орденом Св. Анны 1-й ст. с мечами и орденом Св. Станислава 1-й ст. с мечами¹⁰.

Летом 1915 г. генерал Гунцадзе командует пехотной бригадой, участвуя в «великом отступлении», как называли русские историки отход русских войск из Польши и Литвы, где немцы намеревались окружить и уничтожить их в «польском мешке». План противника не удался, хотя пришлось оставить Царство Польское и некоторые западные губернии Российской Империи. В начале осени 1915 г. немцы попытались развить успех, достигнутый в ходе лет-

них сражений. Незадолго перед этим генерал-майор Гунцадзе вступил в командование 53-й пехотной дивизией, сменив генерала барона фон-Корфа. Эта дивизия была сформирована из второочередных полков в августе 1914 г., зимой 1915 г. она участвовала в боях в Восточной Пруссии, где понесла большие потери¹¹.

14 августа 1915 г. в Полевой книжке начдива 53 генерала Гунцадзе появляется запись: «Внутри всем чинам бригады единственную цель боя — возможно больше нанести противнику урона». Дивизия в это время занимает передовые позиции у озера Окмянское, готовясь к атаке. На следующий день — новая запись: «С двух часов ночи части 53-й дивизии перешли в наступление, перейдя болотистую долину речки, атаковали противоположный берег, захватили деревню Дроздовку. В данное время идет упорный бой за обладание рощами и деревнями того берега, и они переходят в руки врага». И еще одна запись (16 августа): «Продолжается горячий бой на всем участке дивизии»¹². В сентябре и октябре 1915 г. дивизия генерала Гунцадзе продолжает участвовать в боях с германцами. Особенно Давид Константинович и подчиненные ему войска отличились 20 октября, о чем спустя несколько месяцев в газете «Русский Инвалид» было сообщено так: «Утверждается пожалование — за отличия в делах против неприятеля, по удостоению Местной Георгиевской Кавалерской Думы: Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени Командующему [53-й] пехотной дивизией Генерал-Майору Давиду Гунцадзе за то, что в бою 20-го октября 1915 г., командуя отрядом силою около бригады, под действительным артиллерийским и ружейным огнем спокойно и уверенно управлял боем, примером личной храбрости и своевременным вводом резервов овладел деревней Потаповкой, захватив в плен 5 офицеров, 523 нижних чина и 4 действующих пулемета. Взятие деревни Потаповки заставило противника оставить соседние с деревней участки своей позиции, что способствовало общему успеху наступления»¹³. В конце 1915 г., когда на фронте установилось зимнее затишье, генерал Гунцадзе сдал дивизию генералу Гиршфельду и в соответствии с новым назначением выехал в один из корпусов Северного фронта.

Жена и дочери генерала вскоре после начала войны уехали из Двинска в Петроград. В 1915 и 1916 гг. Ольга Макаровна несколько раз приезжала навестить мужа с кем-нибудь из дочерей. Сыновья генерала, как и их отец, участвовали в войне. Старший — Евгений Гунцадзе — встретил войну в чине подпоручика Лейб-Гвардии Кексгольмского полка. В начале войны он пропал без вести, о чем 14 сентября 1914 г. сообщила газета «Русский Инвалид». (Как выяснилось позднее, он попал в плен). Успешно воевал в составе 4-го Кавказского стрелкового полка прапорщик Владимир

Гунцадзе, в 1916 г. он был пожалован орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»¹⁴. Самый младший из трех братьев — Константин — учился в военном училище и был выпущен в полк в конце войны.

Февральский переворот застал генерал-майора Гунцадзе на Северном фронте, в Лифляндской губернии, куда вскоре дошел из охваченного революционной лихорадкой Петрограда пресловутый Приказ № 1, с которого началось разложение Российской Армии. В действующей армии и в тыловых частях возникали советы и комитеты, а солдаты превращались в толпы митингующих. Результаты Приказа № 1 не замедлили сказаться на боевой работе — предпринятое летом 1917 г. наступление русских войск на Юго-Западном и Румынском фронтах закончилось поражением. Неудачей закончилось и наступление на Северо-Западном фронте, предпринятое на участке V-й армии. Следующим шагом к окончательному разложению русской армии стала так называемая «сдача Риги», в которой советские историки обвиняли генерала-от-инфантерии Л.Г.Корнилова. Однако, по свидетельству участников боев под Ригой, успех противника во многом был обеспечен антивоенной агитацией и братаниями, которые использовались немцами для шпионажа. Вот почему противник первыми же залпами накрывал позиции русских артиллеристов и стрелков. Падение Риги антипатриотические круги использовали для дальнейших нападков на армейское командование. Последовавшее за падением Риги выступление генерала Л.Г.Корнилова и его единомышленников с целью предотвратить окончательное сползание к хаосу и анархии закончилось неудачей. Все больший отклик у русских солдат находили призывы «Штыки в землю!» или «Долой войну!». Тогда же сотни русских офицеров были убиты или изгнаны из армии.

Но генерала Гунцадзе миновала подобная участь. Он продолжал служить на Северном фронте в XII-й армии. В октябре 1917 г. «за отличия по службе» он был произведен в генерал-лейтенанты¹⁵. Здесь же, в Лифляндии, в должности командующего 43-м армейским корпусом¹⁶ его застал Октябрьский переворот. Вскоре после свержения Временного правительства, назначенный СНК главкомом русской армии прапорщик Н.В.Крыленко сместил на Северном фронте ряд генералов, в том числе командующего XII-й армией генерал-лейтенанта Я.Д.Юзефовича. Вместо него был назначен генерал-лейтенант В.Ф.Новицкий, а его преемником, в свою очередь, стал Д.К.Гунцадзе.

1 декабря 1917 г. в газете «Рижский Фронт» появляется приказ о порядке проведения выборов командного состава за подписью генерал-лейтенанта Гунцадзе. 25 декабря 1917 г. комитет XII-й армии сообщил Совнаркому о завершении «демократизации армии». На должность командующего армией была выбрана Коллегия из трех человек: бывшего командующего армией генерал-лейтенанта Гунцадзе, председателя армейского комитета Нахимсона и секретаря Тракмана¹⁷. Было заключено перемирие с Германией и Австро-Венгрией, и боевые действия на русско-германском фронте прекратились. Зимой 1917/1918 г. русская армия окончательно развалилась. В начале 1918 г. «бывший» генерал и «бывший» георгиевский кавалер Д.К.Гунцадзе с документами рядового солдата, уволенного со службы, сдав остатки развалившейся XII-й армии большевистскому комитету, уехал из Лифляндии в Одессу, куда во время войны переехала его семья из Петрограда. Что же касается XII-й армии, то остатки армейских учреждений, занятых канцелярской работой и ликвидацией имущества, были вывезены в начале 1918 г. комиссаром Нахимсоном в Рыбинск. Там армия, согласно советским источникам, и закончила свое существование.

О последующих годах жизни Д.К.Гунцадзе сохранились весьма разрозненные и отрывочные сведения, из сопоставления которых можно предположить следующее. В 1918 г., будучи на Украине или на Дону, генерал Гунцадзе вступил в Астраханскую армию, которую под монархическим лозунгом формировал исполняющий должность Атамана Астраханского войска князь Тундатов при поддержке германского командования. Части Астраханской армии (Астраханский корпус) вошли в подчинение Атаману Всевеликого войска Донского П.Н.Краснову, а после того, как в конце декабря 1918 г. состоялась

Генерал-майор Д.К.Гунцадзе (в центре, с собакой в руках) среди офицеров штаба 53-й пехотной дивизии. Зима 1915 / 1916 гг., м. Биркинели (Северный фронт)

О.М.Гунцадзе, вдова генерала, у могилы их сына Константина на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

встреча П.Н.Краснова с Главнокомандующим Добровольческой армией генерал-лейтенантом А.И.Деникиным, все находившиеся на Донском фронте части (в том числе и Астраханский корпус) были подчинены Деникину, ставшему Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России. В архивных документах сохранилось боевое расписание Астраханского корпуса, из которого следует, что генерал Гунцадзе командовал в нем Резервной стрелковой бригадой (место дислокации — «у станции Торговой»), состоявшей из кадров двух стрелковых полков (по 60 человек в каждом) и Запасного резервного полка (150 штыков)¹⁸.

С февраля 1919 г. идет переформирование Астраханского корпуса, части которого включались в состав группы генерал-майора А.П.Кутепова (Царицынское направление). В составе этой группы одно время был выделен «Отряд Генерала Гунцадзе» (к сожалению, точное время существования и действия этого соединения установить трудно) из трех родов оружия, состоявший из Сводно-Астраханской стрелковой бригады, 2-й Донской стрелковой бригады, Саратовского стрелкового и Гренадерского полков, 9-го (возможно, Кубанского) пластунского батальона, 1-го Кубанского казачьего полка, Саратовской конной сотни, 1-й Кавказской инженерной роты, бронепоезда «Генерал Корнилов» и броневомобиля «Мститель» (всего 1710 штыков, 490 шашек, 108 пулеметов, 25 орудий), что по тем временам и по масштабам Вооруженных сил на Юге России представляло довольно внушительную силу¹⁹. В «Боевом расписании частей Группы Генерала Кутепова, действующих на Царицынском фронте» (на 20 марта старого стиля 1919 г.) показана «Сводно-Астраханская дивизия (Ген. Майора Гунцадзе)» со штабом на ст. Торговая, в составе Астраханского стрелкового полка и конной бригады генерала Зыкова с артиллерией и даже авиацией (всего 400 шты-

ков, 800 шашек, 9 орудий и 2 аэроплана)²⁰. (Разночтения в чине — генерал-майор, а не генерал-лейтенант — можно объяснить тем, что производство от октября 1917 г. могло не быть засчитано). За две недели ряды дивизии поредели, и к 5 апреля она насчитывала 373 штыка, 716 шашек и 8 орудий (состояла она в это время из Сводно-стрелковой — два полка — и Сводно-казачьей — два Астраханских конных полка — бригад)²¹. В конце апреля 1919 г. было закончено переформирование частей, входивших в состав Астраханского корпуса (стрелки, сведенные в один Астраханский полк, были включены в 6-ю дивизию, а казаки составили Астраханскую

отдельную конную бригаду), и генерал Гунцадзе был, скорее всего, переведен в резерв чинов. Но даже в такой ситуации кадровый генерал-строевик не прельстился предложением посланцев независимой Грузинской республики приехать к себе на родину — в Грузию и занять высокий пост в военном министерстве, вплоть до товарища (помощника) военного министра. Для Д.К.Гунцадзе родиной была Россия, так же, как и для грузина Андгуладзе, черкеса Улага, молдаванина Туркула, немца Шиллинга, воевавших в армии генерала Деникина за Великую Единую и Неделимую Россию. Здесь же, на Юге России, воевали с большевиками и сыновья Давида Константиновича. Владимир Гунцадзе, закончивший Великую войну в рядах кавказских стрелков, погиб в бою с красными в 1919 г.

Дважды в годы Русской Смуты генерал Гунцадзе смог навестить свою семью, жившую в Одессе. Во время хозяйничанья в городе красных, Ольга Макаровна была вынуждена избавиться от Георгиевского оружия мужа, опасаясь за судьбу семьи. Приходилось опасаться и за жизнь старшего сына — Евгения, вернувшегося из германского плена. Лишь чудом ему удалось выйти живым из ЧК. Весной 1919 г. семья генерала пережила первую одесскую эвакуацию. Из Одессы эвакуировали Институт благородных девиц, Кадетский корпус, беженцев. Ольга Макаровна с дочерьми отплыла из Одессы на пароходе «Кронштадт» (эвакуация на «Кронштадте» впоследствии была описана в воспоминаниях М.А.Нестерович-Берг «В борьбе с большевиками»). Пароход крепился с борта на борт, т.к. был пробит турецкими или германскими снарядами еще в Великую войну, но младшим дочерям генерала Гунцадзе — Руфине и Тамаре — команды капитана сосредоточиться попеременно то на правом, то на левом борту казались забавными... Институт благородных девиц был эвакуирован в Батум и размещен в здании местной

гимназии. Учебных занятий не было, через несколько месяцев они вернулись в Одессу, когда город был освобожден от большевиков. Очевидно, вскоре после этого, осенью 1919 г., генерал Гунцадзе и приехал в Одессу проведать свою семью. В начале 1920 г. в Одессе сыграли свадьбу старшей дочери генерала, Маргариты, с лейтенантом военного Флота Борисом Афанасьевичем Стеблиным. По случаю свадьбы семья собралась почти в полном составе — Давид Константинович, Ольга Макаровна, сыновья Евгений и Константин, дочери Нина, Тамара и Руфина. Вскоре после этого генерал уехал в Крым. К новому месту службы выехали Борис Стеблин и братья Гунцадзе (Евгений, очевидно, вступил в ряды Вооруженных сил на Юге России после освобождения Одессы в августе 1919 г.). В начале 1920 г. Евгений и Константин Гунцадзе участвовали в боях на Перекопе в составе Лейб-Гвардии Кексгольмской роты Сводного батальона Гвардейского отряда. В рядах этой части оба брата, уже в капитанских чинах, прошли Крымскую эпопею и оба были ранены в боях — Константин весной, Евгений — летом 1920 г.²² Ольга Макаровна с дочерьми оставалась в Одессе, а позднее они переехали к родственникам Давида Константиновича в Грузию.

Сам генерал Гунцадзе в составе Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля осенью 1920 г. эвакуировался из Крыма в Турцию, а затем в Сербию. Его выбор страны проживания не был случайным. Лишь две европейские страны проявили милосердие к русским беженцам — Королевство Сербия и Чехословацкая республика. Русским военным, воспитанным в Православно-монархических традициях, ближе всего по духу была Сербия, ибо она была не только братской славянской страной, но и Православной монархией, союзницей Российской Империи в годы Второй Отечественной войны. Сербский Король Александр I Карагеоргиевич, обучавшийся в юности в Пажеском корпусе в Петербурге, охотно брал на военную и гражданскую службу русских беженцев. Вероятно, поэтому генерал Гунцадзе предпочел обос-

новаться в Сербии. Однако здоровье его было к тому времени подорвано. К этому добавлялась и горечь личных утрат — в 1919-м погиб сын, в Крыму красные расстреляли зятя. Кроме того, он опасался за судьбу жены и дочерей, живших в Грузии. В 1922 г. георгиевский кавалер, генерал-лейтенант Давид Константинович Гунцадзе скончался в Сербии после тяжелой болезни. Эмигрантская молва гласила, что на его похоронах присутствовал Король Александр I, а над могилой русского генерала впоследствии возвели часовню. Ордена Давида Константиновича были переданы его старшему сыну Евгению. Переехав из Европы в США, Е.Д.Гунцадзе увез ордена с собой. После его смерти ордена хранила его дочь Тамара, родившаяся в США. Но и ее уже нет в живых, и ордена генерала Гунцадзе так и остались в Америке. Младший сын генерала — Константин — был трижды ранен в боях с красными. Он эвакуировался в составе армии Врангеля из Крыма, а после начала «распыления» армии уехал в Чехословакию, а затем во Францию. Там, во Франции, он и умер еще до Второй Мировой войны и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Там же похоронили в 1963 г. и вдову генерала, Ольгу Макаровну, которой в середине 1920-х гг. удалось выехать из Грузии за границу.

Оставшимся в Грузии и ставшим гражданами СССР дочерям генерала Гунцадзе — Маргарите, Руфине и Тамаре (Нина смогла уехать за границу; скончалась она во Франции в 1970 г.²³) — в течение десятилетий приходилось скрывать свое происхождение. Лишь в начале 1980-х гг. Тамаре Гунцадзе (по мужу Эльской) удалось поместить в газете «Заря Востока» статью о своем отце, в которой по вполне понятным причинам пришлось обойти молчанием как его последние годы жизни, так и судьбы своих братьев.

Подобно тысячам других героев Отечественной войны, генерал Гунцадзе был забыт, хотя и внес в свое время немалый вклад во славу России и русского оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Послужной список Гунцадзе Д.К. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 1124, л. 2.

² Список генералам по старшинству. Пг., 1916. С. 466.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Послужной список Гунцадзе Д.К. Л. 2.

⁶ Журнал военных действий 97-го Лифляндского полка. РГВИА, ф. 2711, оп. 2, № 5.176 — 973.

⁷ Коленковский А.К. Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 57.

⁸ Русский Инвалид. 1914. № 221, 19 октября.

⁹ Журнал военных действий 97-го Лифляндского полка.

¹⁰ Русский Инвалид. 1915. № 117, 30 мая; № 122, 5 июня; № 271, 24 ноября.

¹¹ Полевая книжка командующего 53-й дивизией. РГВИА, ф. 2711, оп. 2, № 67.253 — 798, л. 3.

¹² Там же. Лл. 30, 38, 41.

¹³ Русский Инвалид. 1916. № 90, 3 апреля.

¹⁴ Русский Инвалид. 1916. № 207, 3 августа.

¹⁵ Армия и Флот Свободной России. 1917. № 247, 27 октября.

¹⁶ Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 — март 1918 г. М., 1982. С. 434.

¹⁷ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965. С. 375.

¹⁸ РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 5, л. 43.

¹⁹ Там же. Д. 34, л. 57.

²⁰ Там же. Д. 5, л. 110 об.

²¹ Там же. Д. 34, л. 16.

²² Голевский М.М. Материалы по истории Гвардейской пехоты и артиллерии в Гражданскую войну с 1917 года по 1922 год. Кн. 3: Крым. [Болгария, 1922]. С. 17, 21, 47. В эмиграции капитан К.Д.Гунцадзе был среди тех, кто «дал сведения при составлении этой книги» (там же. Кн. 1. [Болгария, 1922]. С. 5).

²³ Grezine I. Inventaire nominatif des sepultures Russes du cimetiere de Ste-Genevieve-des-Bois = Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Paris, 1995. С. 330.

ЗАГАДОЧНЫЕ РИСУНКИ

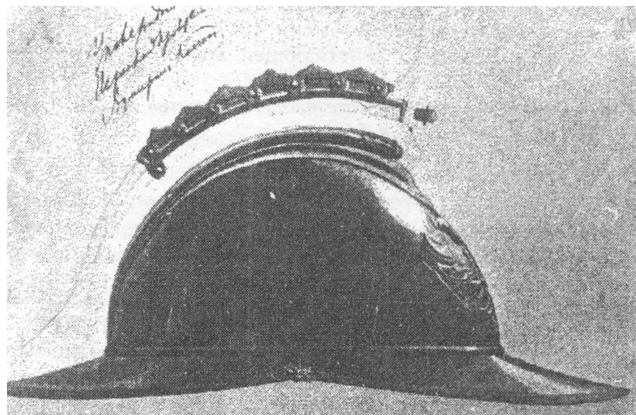
В фондах Государственного Исторического Музея среди прочих любопытных вещей хранятся три акварельных рисунка. Два из них изображают конного и пешего военнослужащих, одетых в серо-синюю, близкую к черной, форму (френч, со стояче-отложным воротником и четырьмя накладными карманами, и шаровары), с поперечными наплечными нашивками (золотого галуна?) вместо погон, на манер, принятый во Французской или Японской Армиях. У «пехотинца» (конечно, эти названия весьма условны) на воротнике черные петлицы с желтой (золотой) шифровкой «З.»; петлицы «кавалериста» — светло-синего (голубого) цвета, и того же цвета у него выпушки по контуру нагрудных карманов и по обшлагам френча. Приборный металл в обоих случаях желтый (в т.ч. аксельбант «кавалериста»), снаряжение — черное у «пехотинца» и коричневое у «кавалериста». Каска (отдельно изображенная на третьем рисунке) напоминает русскую каску «адриановского» образца, но со съёмным украшением на гребне и с приспособлением для крепления белого волосяного плюмажа. Сама каска черная, отделка золотая; золотой и изображенный на ней двуглавый орел образца, принятого на Востоке России при Адмирале А.В.Колчаке: с поднятыми крыльями, с заменой скипетра — мечом и корон — сияющим четырехконечным крестом и надписью «Сим победиши» (на рисунках из Музея крест и надпись не видны). Из оружия (кроме револьверной кобуры) различим тесак или кинжал «пехотинца» (образца, уже не существовавшего в Российской Императорской Армии в начале XX века) с эфесом и наконечником ножен желтого металла.

Самое интересное, что на всех трех рисунках, очевидно — проектных, есть рукописные резолюции в три строки: «Утверждаю / Верховный Правитель / Адмирал Колчак». Есть здесь и подпись автора рисунков — «Г.Ильин». Это — известный по другим архивным материалам художник Глеб Александрович Ильин, который был, в частности, авто-

ром проектных рисунков учрежденного А.В.Колчаком Ордена «Освобождения Сибири». Он же нарисовал и принятый Верховным Правителем герб, изображенный на проектном рисунке каски.

К сожалению, никакие документы, объясняющие назначение рисунков, мне неизвестны (само число рисунков могло быть больше, об этом говорят представленные на них номера: «2/А» — «кавалерист», «3/А» — «пехотинец», «Д/» — каска). Остаются лишь предположения.

Любопытно было бы узнать мнение читателей «Военной Были» об этих загадочных рисунках.

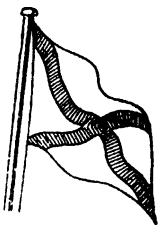

Унабелме
Крешен
Сувагане Курма

КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА

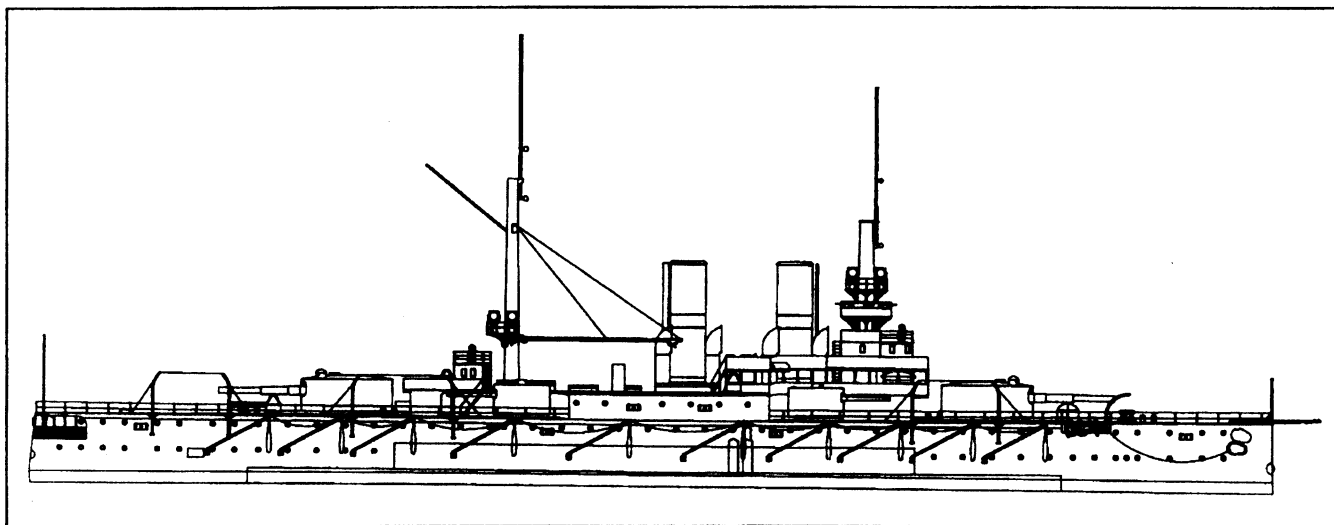
Публикация справочного материала по корабельному составу Белого Флота, начатая в предыдущем номере «Военной Были», продолжается сведениями о кораблях первых двух основных классов, состоявших в Белом Флоте, а именно — о двух линейных кораблях и одном крейсере; корабли еще одного, «промежуточного» между ними в официальной классификации класса Российского Императорского Флота — линейные крейсера — в списках Белого Флота не числились.

«РОСТИСЛАВ»

Линейный корабль — «додредноут». Официально зачислен в списки Российского Императорского Флота как эскадренный броненосец «Ростислав» 7 мая 1894 г. Официально заложен на верфи Николаевского (казенного) Адмиралтейства 6 мая 1895 г., фактически постройка начата в июне 1894 г. Спущен на воду 20 августа 1896 г. Вступил в строй 1 мая 1900 г. и вошел в состав Черноморского Флота. 27 сентября 1907 г. переклассифицирован в линейный корабль. С 16 декабря 1917 г. — в составе Красного Флота. В марте 1918 г. выведен из боевого состава флота и сдан в Севастопольский порт на хранение. С 15 апреля

по 3 мая 1918 г. официально числился в составе ВМФ Украины. 3 мая 1918 г. захвачен в Севастополе немецкими войсками, поднял немецкий флаг, но официально в состав ВМФ Германии не включался. 8 ноября 1918 г. перешел под русский контроль и 24 ноября 1918 г. вновь поднял Андреевский Флаг. В декабре 1918 г. перешел под контроль англичан, поднял английский флаг, но официально в состав ВМФ Великобритании не включался, и к 24 апреля 1919 г. выведен ими в Севастополе из строя (взорваны главные механизмы). После 26 июня 1919 г. вновь поднял Андреевский Флаг. В составе Белого Флота под командованием капитана 2 ранга М.В.Романовского использовался в качестве несамоходной плавучей батареи и участвовал в захвате Мариуполя 28 сентября 1920 г. 13 октября 1920 г. из-за невозможности увода в Константинополь (Стамбул, Турция) по приказу командования затоплен своим экипажем в Азовском море у входа в Керченский пролив, в точке с координатами 45° 25' с.ш., 36° 37' в.д. В 1928 г. частично демонтирован под водой. Остатки корабля до сих пор находятся на месте его гибели.

Водоизмещение — 8880 т. Главные размеры: длина — 107,2 м, ширина — 20,7 м, осадка — 6,7 м. Без главных механизмов. Бронирование: бортовой пояс — 203-368 мм, башни 254-мм орудий —

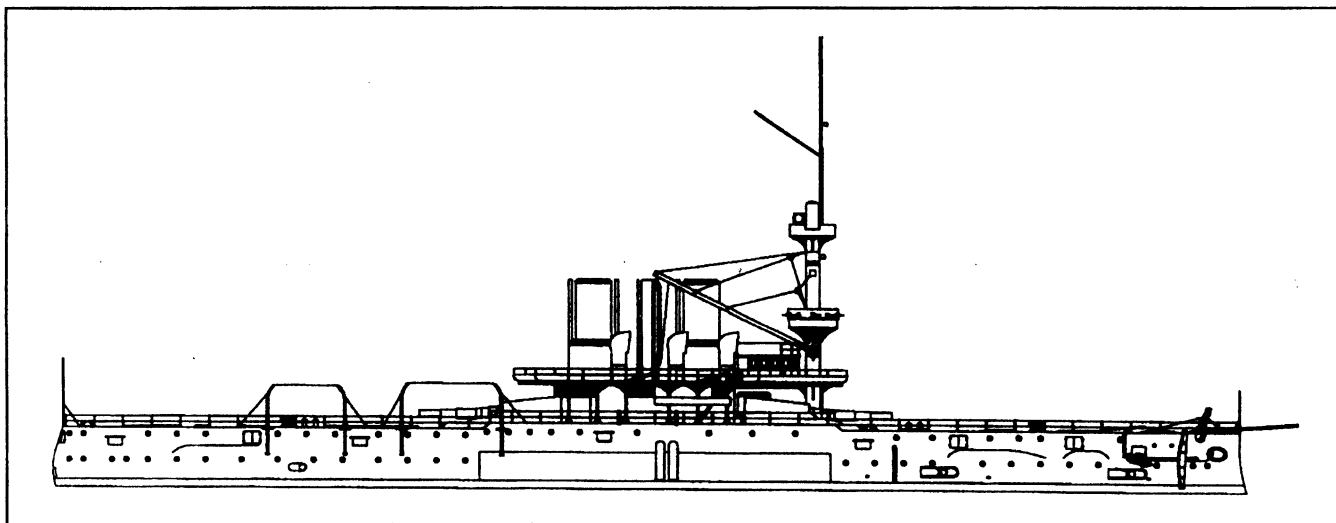
127-254 мм, башни и казематы 152-мм орудий — 127 мм, боевая рубка — 152 мм, броневые палубы — 51-76 мм. Вооружение: орудия — четыре 254-мм, восемь 152-мм и восемь 57-мм зенитных; три 7,62-мм пулемета. Штатная численность экипажа — 632 человека (в том числе 26 офицеров), фактическая в октябре 1920 г. — около 150 человек.

«ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ»

Линейный корабль — «додредноут» типа «Екатерина II». Официально зачислен в списки Российского Императорского Флота как броненосный корабль «Георгий Победоносец» 3 февраля 1890 г. (имя присвоено 22 января 1890 г.). Официально заложен на Северной верфи Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ) в Севастополе 23 апреля 1891 г.; фактически постройка начата в марте того же года. 1 февраля 1892 г. переклассифицирован в эскадренный броненосец. 26 февраля 1892 г. спущен на воду. Сдан Флоту 27 мая 1895 г. Вступил в строй фактически 15 июля 1895 г. и вошел в состав Черноморского Флота. 27 сентября 1907 г. переклассифицирован в линейный корабль. В 1909 — 1914 гг. числился в резерве Флота. В 1916 г. оборудован как штабной корабль. С 16 декабря 1917 г. — в составе Красного Флота. В марте 1918 г. выведен из боевого состава флота и сдан в Севастопольский порт на хранение. С 15 апреля по 3 мая 1918 г. официально числился в составе ВМФ Украины как «Юрий Побидоносец». 3 мая 1918 г. захвачен в Севастополе немецкими войсками, поднял немецкий

флаг, но официально в состав ВМФ Германии не включался. 8 ноября 1918 г. перешел под русский контроль и 24 ноября 1918 г. вновь поднял Андреевский Флаг. В декабре 1918 г. перешел под контроль англичан, поднял английский флаг, но официально в состав ВМФ Великобритании не включался. После 26 июня 1919 г. перешел под русский контроль и в октябре 1919 г. вновь поднял Андреевский Флаг. В составе Белого Флота в боевых действиях фактического участия не принимал, использовался в качестве штабного корабля Командующего Черноморским Флотом. 15 ноября 1920 г. на буксире ледокола «Илья Муромец» под французским и Андреевским флагами уведен из Севастополя в Константинополь (Стамбул, Турция), 21 декабря 1920 г. — оттуда в Бизерту (Тунис), где интернирован французскими властями. В дальнейшем использовался в качестве плавучей казармы. 29 октября 1924 г. официально спустил Андреевский Флаг и перешел под французский контроль. В 1933 г. пошел на слом в Зебре (Тунис).

Водоизмещение — 11940 т. Главные размеры: длина — 103,5 м, ширина — 21 м, осадка — 8,7 м. Главные механизмы: 2 паровые машины общей мощностью 10600 л.с., 16 угольных котлов (запас топлива — 806 т), 2 гребных винта. Бронирование: бортовой пояс — 203-406 мм, боевая рубка и орудийные башни — 305 мм, броневые палубы — 57 мм. Вооружение: восемь 152-мм и четыре 47-мм орудия. Штатная численность экипажа — 642 человека (в том числе 26 офицеров).

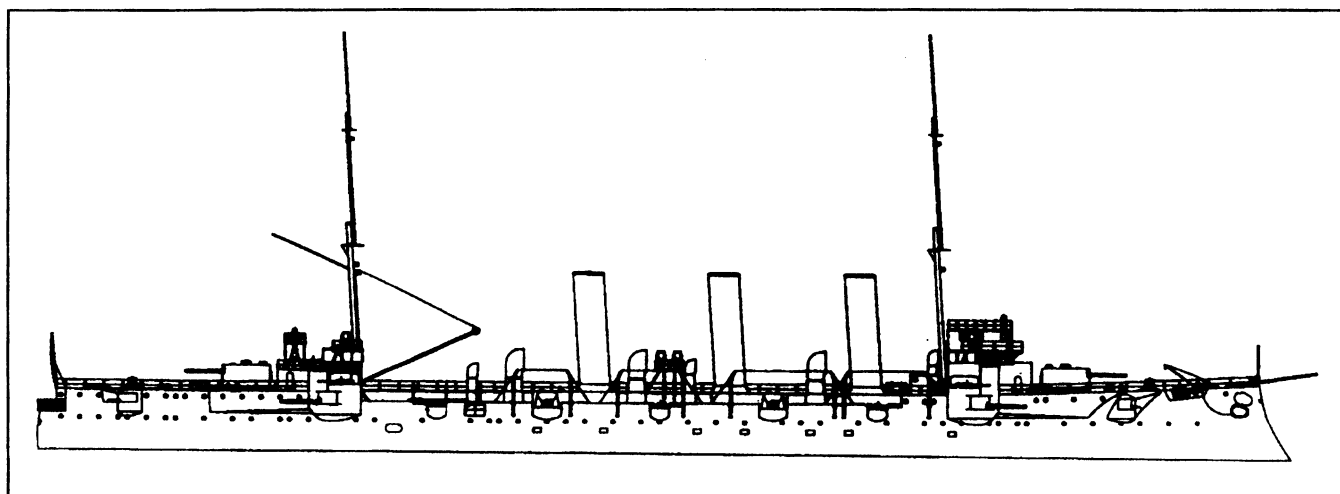

«КАГУЛ», затем «ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ»

Крейсер 1 ранга. Официально зачислен в списки Российского Императорского Флота под именем «Очаков» 21 апреля 1901 г. Заложен на верфи Лазаревского (Нового) Адмиралтейства в Севастополе: официально — 23 мая 1901 г., фактически — 27 февраля 1901 г. Спущен на воду 21 сентября 1902 г. 25 марта 1907 г. переименован в «Кагул». Фактически вступил в строй 10 июня 1909 г. и вошел в состав Черноморского Флота. 31 марта 1917 г. переименован вновь в «Очаков». С 16 декабря 1917 г. — в составе Красного Флота. В марте 1918 г. выведен из боевого состава флота и сдан в Севастопольский порт на хранение. 3 мая 1918 г. захвачен немецкими войсками, поднял немецкий флаг, но официально в состав ВМФ Германии не включался. Использовался немцами в качестве судоподъемной базы при работах на линкоре «Императрица Мария». 8 ноября 1918 г. перешел под русский контроль, 24 ноября 1918 г. вновь поднял Андреевский Флаг и переименован вновь в «Кагул». В августе 1919 г. переименован в «Генерал Корнилов». В составе Белого Флота под командованием последовательно капитанов 1 ранга П.П.Остелецкого и В.А.Потапьева участвовал в десантах в Феодосию 1 июня, Коктебель 17 июня и в Одессу 25 августа 1919 г., в артиллерийских обстрелах Ак-Монайских позиций 28 апреля и

1 мая 1919 г., Дальних Камышей 3 июня 1919 г., Очаковской крепости 21, 29 июля 1919 г. и 4 — 6 сентября 1920 г. и острова Николаевский (Первомайский) 29 августа и 7 октября 1920 г. 15 ноября 1920 г. ушел под французским и Андреевским флагами из Севастополя в Константинополь (Стамбул, Турция), 21 декабря 1920 г. — в Бизерту (Тунис), где 29 декабря 1920 г. интернирован французскими властями. По некоторым данным, в 1921 — 1924 гг. переименован вновь в «Кагул». 29 октября 1924 г. официально спустил Андреевский Флаг и перешел под французский контроль. В 1933 г. пошел на слом в Зебре (Тунис).

Водоизмещение — 6645 т. Главные размеры: длина — 134 м, ширина — 16,6 м, осадка — 6,3 м. Главные механизмы: 2 паровые машины общей мощностью 19500 л.с., 16 угольных котлов (запас топлива — 1157 т), 2 гребных винта. Скорость максимальная — 23 узла. Дальность плавания 10-узловым ходом — 5300 морских миль. Бронирование: боевая рубка — 140 мм, орудийные башни — 127 мм, орудийные казематы — 35-79 мм, броневые палубы — 35-70 мм. Вооружение: четырнадцать 130-мм, два 75-мм и два 40-мм орудия, два 450-мм торпедных аппарата. Штатная численность экипажа — 570 человек (в том числе 23 офицера), фактическая в ноябре 1919 г. — около 200 человек.

Схемы кораблей выполнены специально для «Военной Бьелли» Д.Мальковым

ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА КОНТР-АДМИРАЛ Н.Н.МАШУКОВ

В дни подготовки к празднованию 300-летнего юбилея регулярного Российского Флота, среди вспоминаемых имен достойных мужей Отечества — флотоводцев и моряков, никогда, к сожалению, не прозвучат имена участников Первой Мировой и Гражданской войн в рядах Российского Императорского и Белого Флота, которые в течение десятилетий были вычеркнуты из нашей морской истории. А ведь Флот составлял элиту вооруженных сил России, а морской офицерский корпус являлся элитой Флота. На четыре огромных морских театра их было меньше пяти тысяч — по документам Главного Морского Штаба на 4 февраля 1917 г. — 4521 офицер. И эта цифра включала в себя сгусток интеллекта нации, ее мужество, решимость победить в тяжелой и кровопролитной войне...

И вот сейчас на их Родине оказались забыты сотни имен морских офицеров — верных сынов России, их вклад в обороноспособность страны, в ее науку и культуру. Забыты их судьбы — часто удивительные, порой трагические. Забыты их имена — всего 4521 имя на гигантскую, безбрежную Россию...

Одним из них был Николай Николаевич Машуков — последний контр-адмирал погибшей Империи, прежней России, чин которому присвоил 10 августа 1920 г. (даты с 1918 г. указываются по новому стилю) Главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант П.Н.Врангель.

Николай Николаевич родился 21 января 1889 г. в Одессе. Морской Корпус окончил в 1908 г. в звании унтер-офицера и, по производстве в корабельные гардемарины, совершил годовое внутреннее и заграничное плавание на линейном корабле «Цесаревич», во время которого принимал участие в спасении пострадавших во время землетрясения в Мессине. 6 мая 1909 г. он был произведен в чин мичмана с назначением в Балтийский флот, где плавал на различных кораблях и 6 декабря 1912 г. был произведен в лейтенанты. В сентябре 1913 г. Н.Н.Машуков окончил Офицерский Артиллерийский Класс и был оставлен при Классе преподавателем.

Начало Первой Мировой войны застало его уже в должности младшего артиллерийского офицера на линейном корабле «Гангут», на котором он и

прослужил почти всю войну, лишь в октябре 1917 г. поступив слушателем в Михайловскую Артиллерийскую Академию.

Весной 1918 г. Н.Н.Машуков в группе младших офицеров Морского Училища, Морского Инженерного Училища и Отдельных Гардемаринских Классов (уже разогнанных приказом тогдашнего военно-морского комиссара Льва Троцкого-Бронштейна), с подложными документами, ежечасно смотря в глаза подстерегающей смерти, устремился к Черному морю. Ему посчастливилось пробраться «зверинными тропами» через Оршу — Шклов, затем — «контрабандой» через Днепр — в Киев гетмана Скоропадского, а в начале 1919 г., спасаясь от «сичовых стрильцив», под защитой нового фальшивого паспорта, — добраться до Одессы. Начальником одесской Военно-Морской Базы (практически не имевшей боеспособных кораблей) был тогда вице-адмирал Д.В.Ненюков, который и пригласил Н.Н.Машукова к себе на должность начальника Оперативной части.

Именно по инициативе старшего лейтенанта Машукова в марте 1919 г. было решено использовать артиллерийские склады бывшего Румынского фронта, расположенные на острове Березань, для снабжения формировавшихся в Одессе Добровольческих частей, а также перевезти часть снарядов в Новороссийск для Добровольческой Армии. Н.Н.Машуков был назначен «Начальником экспедиции по выгрузке снарядов с острова Березань». Пока шли погрузочные работы,

командованием находившихся в Одессе французских войск было принято решение об оставлении города, а адмирал Ненюков отдал приказ об уничтожении складов. Старший лейтенант Машуков, тем не менее, смог привести в Новороссийск не только паровую шхуну-тральщик «Ольга», но и буксируемую ею баржу с большим грузом снарядов (около 50.000 трех- и шестидюймовых снарядов и некоторое количество минометов), что стало весомым вкладом в снабжение ведущей тяжелой бои Добровольческой Армии. Начальник Новороссийской армейской базы, генерал Ставицкий, от лица Армии выразил особую благодарность Н.Н.Машукову и всему составу экспедиции.

Приказом от 23 апреля Начальник Морского Управления адмирал Герасимов назначил старшего лейтенанта Машукова командиром пассажирского парохода «Георгий» (до революции — «Цесаревич Георгий»), во время Первой Мировой войны бывшего минным заградителем, а с 27 апреля 1919 г. зачисленного в класс вспомогательных крейсеров.

Командуя «Георгием», Н.Н.Машуков возглавил экспедицию в Тульчу, откуда им, совместно с пароходами «Анатолий Молчанов» и «Россия», была 26 апреля вывезена бригада генерал-майора Н.С.Тимановского, отступившая из Одессы в Румынию и интернированная там. Ничего не сообщая румынам, пароходы подошли к пристани и, молниеносно погрузив быстро прибывшую бригаду, вывезли в Новороссийск около 3.000 чел., пополнивших ряды Добровольческой Армии.

18 — 27 мая Н.Н.Машуков руководил операцией по выводу из Тендровского залива в Новороссийск судов, остававшихся там после эвакуации Одессы (всего было выведено, своим ходом или на буксире, 6 судов и канонерская лодка «Кубанец»). За исполнение этой операции, 3 июня 1919 г. приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенанта А.И.Деникина старшему лейтенанту Машукову была от имени Добровольческой Армии выражена особая благодарность.

Н.Н.Машуков продолжал командовать «Цесаревичем Георгием» до сентября 1919 г., в июле участвовав с ним в блокаде и бомбардировках Очакова. В сентябре ему было поручено восстановление в Севастополе Морского Корпуса, который был вскоре открыт. В октябре того же года Н.Н.Машуков, уже произведенный в чин капитана 2 ранга, был назначен командиром вспомогательного крейсера «Алмаз», а в декабре получил назначение на должность Начальника Отряда Судов Обо-

роны Азовского моря (2-го Черноморского Отряда). В течение более ста дней корабли Отряда под личным руководством Н.Н.Машукова оказывали огневую поддержку Арабатскому отряду 3-го армейского корпуса генерал-майора Я.А.Слацова.

25 — 26 марта 1920 г. под руководством Н.Н.Машукова из Туапсе было эвакуировано около 20.000 человек из состава бывшей Донской Армии. За это Николай Николаевич был произведен в капитаны 1 ранга, а впоследствии награжден орденом Святителя Николая Чудотворца 2-й степени.

Весной — летом 1920 г. на побережье Азовского моря белыми был высажен ряд десантов, причем все операции, кроме взятия Мариуполя 28 сентября 1920 г. (Отрядом командовал тогда уже контр-адмирал М.А.Беренс), были проведены под руководством Н.Н.Машукова. К этим десантам относятся высадка Алексеевской пехотной бригады полковника Звягина у д. Кирилловка 14 апреля, 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Слацова 7 июня у той же Кирилловки, Особого Донского отряда полковника Назарова у ст. Ново-Николаевская 9 (по другим данным, 6-го) июля, десантных отрядов генералов Улагая и Черепова в районе станицы Приморско-Ахтарская и Анапы, соответственно, 1 августа. Кроме того, в течение десяти месяцев 1920 г. корабли Отряда несли службу по охране Азовского и Черноморского побережья, а десантные морские подразделения доблестно сражались в рядах сухопутных войск.

10 августа 1920 г. приказом Главнокомандующего генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля Н.Н.Машуков был произведен в чин контр-адмирала, став последним адмиралом прежней России (переживший его контр-адмирал К.В.Шевелев был произведен в этот чин Верховным Правителем России А.В.Колчаком еще в 1919 г.).

25 октября 1920 г. была произведена смена командования Черноморского флота: тяжело больного и вскоре (30 октября) скончавшегося вице-адмирала М.П.Саблина сменил контр-адмирал М.А.Кедров, а начальника штаба флота контр-адмирала В.В.Николя — Н.Н.Машуков. Саблину и Машукову предстояло стать во главе «Великого Исхода» от берегов Крыма в Константинополь огромной флотилии в 126 вымпелов с 156.000 эвакуируемых на борту. 14 ноября был эвакуирован Севастополь, 15 — Ялта, 16 — Феодосия. 16 ноября адмирал Машуков лично ходил на ледоколе «Гайдамак» в Керчь, чтобы проконтролировать погрузку там (тоннажа не хватало, и часть войск была погружена на переполненные баржи). Бла-

годаря распорядительности Н.Н.Машукова, использовавшего только что пришедший из Константинополя транспорт «Россия», все войска и беженцы были погружены, и в ночь на 17 ноября «Гайдамак» присоединился к флоту. 18 ноября все русские корабли, за исключением погибшего во время перехода эсминца «Живой», пришли в Константинополь и стали на якорь на рейде Мода.

Еще 16 ноября, в море, приказом Главнокомандующего Русской Армией за № 2204, Командующий Черноморским флотом контр-адмирал Кедров был произведен «за особые отличия по службе» в вице-адмиралы. В свою очередь, М.А.Кедров в своем приказе от 18 ноября за № 5 благодарил весь личный состав Черноморского флота за подготовку и проведение столь успешной операции, в частности, отмечая «исключительную работу моего Начальника Штаба — контр-адмирала Машукова». «Не буду говорить об этой работе его, — писал адмирал Кедров, — вы ее все видели, оценили и откликнулись, следствием чего явилась ваша доблестная и исключительная по достигнутым результатам работа».

Приказом Командующего, Черноморский флот 21 ноября был в связи с сокращением его состава (демобилизация пароходов и вспомогательных судов, расформирование служб и учреждений) переименован в Русскую эскадру, Начальником Штаба которой был назначен контр-адмирал Н.Н.Машуков. 8 декабря эскадра покинула Константинополь и 22 — 23 декабря пришла к своему последнему причалу в Бизерту, где Н.Н.Машуков был сменен на своем посту контр-адмиралом А.И.Тихоновым и занялся устройством Морского Корпуса, пришедшего в Бизерту на линкоре «Генерал Алексеев». После открытия Корпуса, Николай Николаевич переехал во Францию.

В эмиграции он окончил Франко-Бельгийский Электротехнический Институт в Париже и получил звание инженера-электрика. В 1932 г. ему была предложена профессура в Высшем Техническом Институте в Париже на кафедре общей электротехники. В том же году Николай Николаевич поступил на должность начальника работ на металлургический завод в Париже, где и прослужил 33 года, до выхода на пенсию (в 1965 г., в возрасте 76 лет).

Проживая в Париже, Н.Н.Машуков принимал деятельное участие в жизни организации бывших русских морских офицеров во Франции, неоднократно печатал в журналах и газетах (в том чис-

ле и в парижской «Военной Были») свои воспоминания о Белой борьбе на Черном и Азовском морях. Умер Николай Николаевич 10 октября 1968 г. в Париже. 27 апреля 1969 г. на его могиле на кладбище Сент-Женевьев де Буа состоялось освящение памятника. На средства, оставшиеся после этого, комитет по разбору архива покойного принял решение соорудить в храме Св. Александра Невского на улице Дарю киот-икону памяти всех русских моряков, что и было безвозмездно выполнено художником В.А.Лисенко. Киот с иконами Св. Андрея Первозванного, Св. Павла Исповедника и Св. Николая Чудотворца и девизом «Бог моя надежда» был освящен 24 мая 1970 г. На киоте была сделана надпись «Памяти моряков. Сооружено трудами контр-адмирала Н.Н.Машукова».

Н.Н.Машуков, как и многие русские офицеры, соединял с военным и литературное дарование, и не случайно именно его слова, рядом со словами писателя И.С.Шмелева, предваряют книгу инженер-механика Н.З.Кадесникова «Краткий очерк Белой Борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917 — 1922 гг.», будучи в то же время и яркой характеристикой самого их автора:

«Белая Армия и Флот вершили тот подвиг, перед которым меркнут и бледнеют слова человеческие. Измотанные в неравной борьбе всегда с превосходящим численностью противником, оставленные всем миром, без нужной иностранной помощи, борясь до изнеможения, до конца — они не сдались, не положили перед врагом оружия и ушли на чужбину, унося с собой свои знамена и в складках Андреевских Флагов, развевавшихся на стенах, гафелях и кормовых флагштоках русских кораблей, ту “честь России”, за которую они боролись непрестанно, ежедневно в течение 3-х лет...

Они унесли с собой “Русский дух”, ибо они были среди тех немногих, которые боролись “за Россию”...

Наши Вожди — моряки были в числе зачинателей и участников трехлетней Белой Борьбы на морях, носителями национальной и корпоративной чести и достойными завершителями Белой Борьбы на родной Земле».

«Никакое время не сотрет со страниц Истории — идей, жертв и подвигов участников “Белого Движения” 1917 — 20 гг.

Они святы!»

А.ПЕРШИН

«Я ПРЕПРОВОЖДАЮ ВАМ ЗНАКИ ОРДЕНА...»

Русский Север стал в годы Гражданской войны едва ли не единственным регионом, где присутствие иностранных союзных войск (так называемых «интервентов») было достаточно масштабным и позволило им принять активное участие в боевых действиях. По-видимому, многие иностранные (в первую очередь — английские) офицеры и солдаты искренне желали добра России и стремились выполнить по отношению к ней свой союзнический долг, подтвердив это стремление пролитой в боях с большевиками кровью. Однако главной чертой действий Союзного Командования было все же своекорыстие.

Придя на Север весной — летом 1918 года, чтобы не допустить в этот край еще ведущую войну Германию, — «интервенты» (выражение писателя С.Г.Писахова), в сущности, были мало заинтересованы в действительном усилении формировавшихся на освобожденной от большевиков территории русских национальных войск, которые могли бы, став подлинными хозяевами положения, выставить «союзникам-оккупантам»¹ свои условия. «Англичане не хотят особенного успеха русского оружия», — говорил один из героев Белого движения на Севере, полковник Л.В.Костанди². Надо сказать, что и русское командование (не говоря уже о кичившемся своим «демократизмом» Временном Правительстве Северной Области) безропотно уступило иностранцам главенствующую роль. Тем болезненнее был удар для русских белогвардейцев, когда летом 1919 года союзники заявили о своем бесповоротном решении эвакуироваться из Северной Области.

Помимо того, что немногочисленные русские войска (фактически не имевшие источников пополнения ввиду малой плотности населения Области) оставались в одиночестве на громадном фронте от Карелии до Печоры, — англичане, под лицемерным предлогом «чтобы не досталось большевикам», приступили к уничтожению значительной части имущества, которого не могли увезти с собой: жгли аэропланы, топили в Двине автомобили, снаряды, патроны (нередко — на глазах у русских войск и населения), причем стоимость уничтоженного военного имущества оценивалась в сотни тысяч фунтов стерлингов³. Впрочем, и оставленное союзниками было отнюдь не в лучшем состоянии: «Англичане, уходя, все побросали, — свидетельствовал военный прокурор генерал-майор С.Ц.Добровольский, — так что надо было присту-

пить к розыску и регистрации в большом количестве оставленного ими имущества, а затем к приему и организации его хранения и выдачи»⁴. Очевидно, что такое поведение не могло расцениваться русскими белогвардейцами иначе, как предательское.

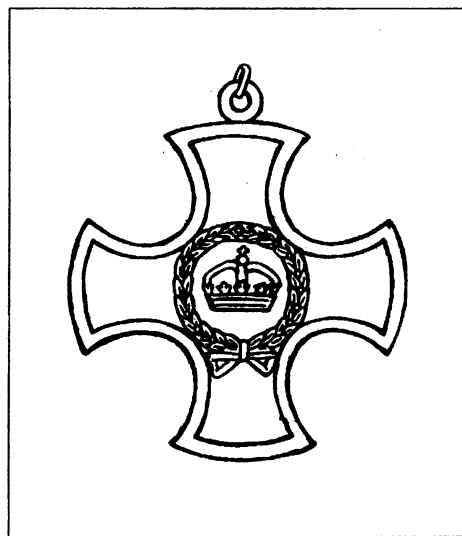
Одним из офицеров, открыто и недвусмысленно выразивших свое возмущение, был уже упомянутый выше Генерального Штаба полковник Леонид Васильевич Костанди, — личность вообще интересная и незаурядная. Военную службу он начал восемнадцати лет, в 1901 году поступив вольноопределяющимся в 16-ый стрелковый Императора Александра III полк (прославленной 4-ой стрелковой — «Железной» — бригады). После окончания в 1905 году Одесского пехотного юнкерского училища был выпущен подпоручиком в 90-ый пехотный Онежский полк (своеобразное «пророчество» можно усмотреть в том, что полки 23-ей пехотной дивизии — Беломорский, Онежский, Двинский и Печорский — именовались по местностям, с которыми будет связана деятельность Л.В.Костанди в 1918 — 1920 гг.) и уже на четвертом году службы в нем (отслужить в строю три года было обязательным условием) поступил в Императорскую Николаевскую Военную Академию, которую окончил в 1912 году по 1-му разряду, получив «за отличные успехи в науках» Орден Св. Станислава III-ей степени⁵.

Выйдя на Великую войну штабс-капитаном, причисленным к Генеральному Штабу (исполняющим должность помощника старшего адъютанта Общего отделения Отдела Генерал-квартирмейстера Штаба VIII-ой Армии), Леонид Васильевич уже в ноябре 1914 года был удостоен награждения Георгиевским Оружием, — что для молодого штабного офицера в первые месяцы войны было не слишком частым явлением, — «за то, что, состоя при штабе 8-й армии, в бою на р[еке] Гнилая-Липа, 17-го Августа 1914 года, будучи послан от названного штаба для ориентировки положения 7-го армейского корпуса у д[еревни] Бржуховице, под сильным шрапнельным и ружейным огнем направлял пехотные цепи и возвращал в строй отсталых. В тот же день в 5 час[ов] у д[еревни] Мерищева, также под артиллерийским и ружейным огнем, не только направлял с фланга подошедшие к 7-му корпусу подкрепления 60-й пехотной дивизии, но своевременной ориентировкой, по собственной инициативе, начальников частей предупредил

расстрел друг друга этими частями и этим много содействовал успеху действий 7-го корпуса»⁶. Весной 1915 года Генерального Штаба капитан Костанди был командирован в Штаб крепости Перемышль, а с осени 1916-го — служил Начальником оперативного отделения Управления морской крепости Императора Петра Великого по сухопутному фронту, уже в чине подполковника (старшинство с 15 августа 1916 года). В этом же чине и должности застал его Февральский переворот, не внесший сколько-нибудь заметных перемен в карьере подполковника Костанди; в мае он был назначен исполняющим должность помощника Начальника Штаба, а 19 сентября ему был дарован дополнительный год старшинства в чине, которое стало считаться с 15 августа 1915 года⁷.

Оказавшись в 1918 году в Архангельске, этот выдающийся офицер, конечно, не мог затеряться, особенно в условиях нехватки штабных и командных кадров в русских войсках Северной Области. Один из трех офицеров Генерального Штаба на всю Область, подполковник Костанди осенью 1918-го «работал при штабе (Командующего войсками. — А.К.) по оперативной части»⁸, а в январе 1919 года был назначен на Мурман, на должность Начальника военного отдела, состоявшего фактически из одного русского полка (численность русских войск на Мурмане к тому моменту Командующий войсками Области генерал Марушевский оценивал в 800 штыков и сабель⁹). За несколько месяцев Костанди проявил себя талантливым организатором и военачальником, успешно работая над формированием новых частей и непосредственно руководя начавшимся весной наступлением. За эти заслуги Леонид Васильевич был награжден английским Орденом «Distinguished Service Order» (Орден Выдающейся Службы). Однако инициативный и решительный офицер был, по-видимому, «неудобен» в общении, что вызывало нарекания как «справа», так и «слева»: генерал В.В. Марушевский, в эмиграции неоднократно подчеркивавший свои монархические взгляды, считал его «несколько тронутым тлетворным влиянием революции» («Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных записках по реорганизации армии»¹⁰), а доктор Б.Ф. Соколов, известный социал-революционер и бывший секретарь Керенского, — утверждал, что «к демократии он относился довольно холодно и особенных сношений с ней не имел», и во всяком случае опровергал мнение о Костанди как о «красненьком», с неодобрением отмечая: «несомненно, он был большим националистом...»¹¹. (Заметим в скобках, что, на наш взгляд, такая разноголосица мнений говорит скорее в пользу Л.В. Костанди). Несмотря на производство в полковники за боевые

отличия, он был фактически отстранен от активной работы и более двух месяцев находился «в распоряжении» нового Командующего войсками Мурманского района (прибывшего из заграничной генерал-майора

Английский Орден Выдающейся Службы (Distinguished Service Order)

В.С. Скобельцына), а затем был назначен Начальником оперативного отделения Штаба Главкомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте, генерал-лейтенанта Е.К. Миллера. Впрочем, и на этой «тыловой» должности Костанди находил возможность посещать фронт и на деле знакомиться с обстановкой, что и привело его к поддержке мнения строевых офицеров на состоявшемся в середине августа (нового стиля) совещании старших русских начальников, посвященном перспективам дальнейшей борьбы после эвакуации англичан. Неутешительные оценки ситуации фронтовиками (малочисленность войск, неорганизованный тыл и т.д.) наглядно рисовали тяжелое, почти безнадежное положение Белого Севера и предательскую роль «союзников», официальные попытки повлиять на которых ни к чему не привели. Русским офицерам оставалась только возможность личного протеста, и вот — в дни союзной эвакуации, когда на корабли грузились последние части «интервентов», полковник Костанди пишет следующее письмо¹².

«Милостивый Государь.

В мае текущего года¹³ Главкомандующий Союзными войсками на Мурмане Генерал Мейнард вручил мне орден выдающейся службы Д.З.О.¹⁴ при выписке, подробно указывающей на те отличия, которые были мной оказаны. Эта выписка оканчивалась такими лестными для меня словами: «Его обширные военные знания, его такт и лояльность были использованы и принесли значительную пользу делу союзников и России».

Независимо [от] того, что я делал на Мурмане, я во все время войны и революции стремился быть верным сотрудником союзников, уверенный,

что союзные правительства [—] искренние друзья России, благополучие которой мне, как офицеру русской армии, конечно, было дороже всего.

К сожалению, мне и моим единомышленникам пришлось разочароваться.

Генерал Айронсайд, в ноябре минувшего года, говорил собранию всех русских офицеров в Архангельске, что он и его войска останутся здесь до тех пор, пока русские войска будут способны удержать порядок в стране, хотя бы для этого понадобилось 10 лет¹⁵.

Я верил и верю, что Генерал говорил искренно, он, очевидно, не предполагал, что благодаря своему правительству ему придется отказаться от выполнения данного им обещания.

Я препровождаю вам знаки ордена Д.З.О. для возвращения их правительству Англии, так как считаю ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменять данному им[и] слову и своим союзникам.

Подписал: Генерального Штаба
Полковник Костанди»

Однако генерал Миллер (современник отмечал в нем «исключительную способность и умение уловить пульс общественно-политической жизни и найти удовлетворяющую всех линию компромисса»¹⁶), по-видимому, не разделял чувств своего подчиненного. Резолюция Главного командующего, сообщенная полковнику Костанди 1 октября Начальником Инспекторского отделения Штаглава по поручению Дежурного генерала, гласила: «Не могу одобрить такое демонстративное выступление, так как выражение таким способом своего недовольства Английским правительством не могу считать соответствующим интересам России вообще, ибо из всех союзников только англичане помогают материально и очень широко русским войскам в их борьбе с большевиками, и Генералу Юденичу, и Генералу Деникину, да и нам оставили средства для борьбы англичане, а не кто другой. Из послужного списка исключить орден Д.О. Генерал-Лейтенант Миллер».

Отметим здесь, что датировка самого письма Л.В.Костанди недостаточно ясна. Его копия помечена «26 сентября 1919 г.» (т.е. буквально накануне окончательной эвакуации союзников, последние корабли которых ушли из Архангельска утром 27-го), однако отношение на имя полковника

Копия письма полковника Л.В.Костанди

Русского
Генерального Штаба
Полковника КОСТАНДИ.

26 сентября 1919 г.

К о п и я .

Милостивый Государь.

В мае текущего года Главного командующего Союзными войсками на Мурмане Генерал МЕЛНАРД вручил мне орден выдающейся службы Д.З.О. при выписке подробно указывающей на те отличия, которые были мной оказаны. Эта выписка оканчивалась такими лестными для меня словами: «Его обширные военные знания, его такт и лояльность были использованы и принесли значительную пользу делу союзников и России.»

Независимо того, что я делал на Мурмане, во все время войны и революции стремился быть верным сотрудником союзников, уверенный, что союзные правительства искренние друзья России благополучие которой мне, как офицеру русской армии, конечно, было дороже всего.

К сожалению, мне и моим единомышленникам пришлось разочароваться.

Генерал Айронсайд, в ноябре минувшего года говорил собранию всех русских офицеров в Архангельске, что он и его войска останутся здесь до тех пор, пока русские войска будут способны удержать порядок в стране, хотя бы для этого понадобилось 10 лет.

Я верил и верю, что Генерал говорил искренно, он, очевидно, не предполагал, что благодаря своему правительству, ему придется отказаться от выполнения данного им обещания.

Костанди гласит: «сообщаю резолюцию Главкомандующего на Вашем рапорте от 29 сентября за № 1/500». Такое разночтение можно объяснить (помимо вполне возможной опечатки в машинописной копии) тем, что в отношении идет речь о резолюции на каком-то другом документе, нам неизвестном. В принципе это возможно, — тогда письмо Костанди могло быть адресовано представителям английского Командования (дата написания при этом должна быть 26 сентября — до эвакуации) или кому-то из русских дипломатов, а «рапорт за № 1/500» был одновременно направлен по команде Главкомандующему в качестве сопроводительного документа. С другой стороны, «№ 1/500» может быть не исходящим (конечно, Костанди не стал бы нумеровать личных писем), а входящим (например, канцелярии Миллера). Кроме того, официальный рапорт Начальник оперативного отделения Штаглава, казалось бы, должен был направить Начальнику Штаба, а не перескакивать через эту инстанцию, что было бы нарушением субординации (хотя и вполне понятным в том взволнованном состоянии, в котором безусловно находился Леонид Васильевич). Но, как бы то ни было, сам полковник Костанди явно считал резолюцию Главкомандующего ответом именно на свое приведенное выше письмо, не случайно совместив их, когда снимал с них копии, сохранившиеся до нашего времени в архивных делах. Сами же эти копии, — напечатанные по советской орфографии, с заверкой «С подлинным верно. Генштаба Костанди», — были явно сделаны уже в Советской Республике (один из экземпляров и был найден в делах Секретаря первого заместителя Председателя РВСР, «товарища» Э.М.Склянского¹⁷), когда Костанди находился в большевицком плену и когда большевики, возможно, заинтересовались этими документами для разыгрывания «национальной карты». История же плена полковника Костанди стала свидетельством как трагизма последних дней Северной Области, так и того, что благородные порывы, подобные возвращению англичанам их ордена, были для этого доблестного офицера отнюдь не случайными.

... Успехи осеннего наступления войск Северной Области, которые большевики относили на счет работы Л.В.Костанди¹⁸, оказались недолговечными: уже в феврале 1920 года Белый фронт рухнул, подточенный изнутри подрывной деятельностью социалистических элементов и «общественности», а извне — агитацией большевиков, запугивавших солдат примерами поражений Белых войск в других регионах и обещавших «прощенье» всех «грехов». И когда встал вопрос об эвакуации Архангельска, Белое Командование попросту растерялось.

Малореальный план отступления через Онегу на Мурман (в свое время полковнику Костанди пришлось разрабатывать его вопреки собственному желанию, выполняя приказ Начальника Штаба, генерал-лейтенанта М.Ф.Квевцинского), как и следовало ожидать, сорвался, и спаслись от большевиков лишь немногие — в основном чины Штаглава и приближенные к нему лица, ушедшие из Архангельска 19 февраля на двух пароходах. В результате этой «эвакуации», вряд ли имеющей аналогии в истории Белого движения и сравнимой лишь с бегством Гетмана Скоропадского из Киева, — тысячи фронтовых офицеров и солдат были брошены на произвол судьбы. Из лиц высшего начальствующего состава, наиболее одиозных для большевиков, в затаившемся в ожидании смены власти Архангельске остался Генерального Штаба полковник Леонид Васильевич Костанди...

Иные эмигрантские мемуаристы склонны были расценивать этот поступок едва ли не как измену Белому Делу и приписывать Костанди соответствующие побуждения. Так, доктор Соколов писал, что Костанди «был весьма разочарован в гражданской войне и видимо стремился в Советскую Россию»; «он [...] начинал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице (так в тексте. Должно быть, имеется в виду «отождествляя». — А.К.) большевизм и национализм»¹⁹. Однако, на наш взгляд, большого доверия заслуживает свидетельство генерал-майора И.А.Данилова, также непосредственно общавшегося в те дни с Костанди, а в апреле 1920 года сидевшего с ним в одной камере Бутырской тюрьмы. «Полковник Костанди уже в тюрьме мне, а также и полковнику Волкову, по секрету, рассказал, — свидетельствует генерал Данилов, — что он остался в Архангельске с ведома Главкомандующего и по просьбе профессиональных союзов, исключительно для того, чтобы сделать все возможное для офицеров, попавших в руки большевиков, и что это представлялось ему достижимым, ввиду той поддержки, которую он рассчитывал встретить у профсоюзов, но он ошибся в этом расчете»²⁰. Таким образом, Л.В.Костанди мужественно разделил участь даже не своих подчиненных (Оперативное отделение было направлено им на Онегу — Мурман еще за два дня до катастрофы), а подчиненных тех лиц Командования, которые благополучно эвакуировались морем. «... Оказалось — сметь требовать — это одно, а жертвовать собой — это другое», — с горечью констатировал полковник Н.П.Зеленов²¹. Полковник Костанди, по-видимому, сознательно (недаром 19 февраля он «был настроен сумрачно и выглядел осунувшимся»²²) принес себя в жертву, которую генерал Миллер принял, назначив его Командующим войсками Архангельского

военного округа и комендантом города — без войск, без связи, без сил и без какой бы то ни было реальной власти.

Тем не менее, и в этой ситуации Леонид Васильевич «очень много сделал в Архангельске, во время безвластия, находясь в должности коменданта г. Архангельска, предотвратив эксцессы и начинающуюся анархию»²³. «Крупных эксцесов, насилий над офицерами почти не было, в чем несомненная заслуга полковника Костанди, который энергично вмешивался в защиту бывших офицеров», — признавал и доктор Соколов²⁴. Однако с прибытием регулярных Советских войск и следовавшей за ними Че-Ка угроза «эксцесов» сменилась не угрозой, а реальностью широких репрессий, против которых «защита» Л.В.Костанди, конечно, оказалась бессильной. Когда по приказу чекиста А.В.Эйдука начались массовые аресты офицеров, Костанди, после неудачной попытки выступить с поручительством за арестуемых («всех, которые были в Северной Области!»), — «как-бы в виде протеста [...] заявил, что, ввиду неисполнения его просьбы, он желает разделить участь офицеров и сесть с ними в тюрьму»²⁵, — что, естественно, и было охотно удовлетворено (15 марта). Однако, поскольку не только чувство офицерской чести, но и «собственное желание» были, очевидно, недостаточ-

ным основанием для ареста даже в глазах сотрудников Чрезвычайки, полковнику Костанди был инкриминирован расстрел, в бытность его Командующим войсками на Мурмане, нескольких человек не то за большевизм, не то за другие уголовные преступления²⁶. Это обвинение само по себе свидетельствует, насколько одиозной являлась для большевиков фигура Костанди, ибо, если строевому или даже штабному офицеру Белых Армий еще можно было надеяться на относительно сносное существование в Совдепии (до очередной «регистрации» или лагерного «набора»), то лицам, которым вменялась в вину причастность к суду, контр-разведке, каким-либо репрессиям или мифическому «белому террору», — ни на какую милость от большевиков рассчитывать было нельзя. Так и произошло — уже 25 марта полковника Костанди в группе других офицеров и генералов отправили в Москву, где после долгих мытарств он и был расстрелян весной 1921 года²⁷. «Так погиб еще один честный человек, который положил жизнь свою за други своя»²⁸, — завершает генерал Данилов рассказ о трагической судьбе Леонида Васильевича Костанди — одного из тех, кто продемонстрировал, что честь и благородство Русского Офицера не умерли и в страшные годы Смуты.

А.КРУЧИНИН

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его “оккупацией”. Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми», — писал впоследствии бывший Командующий войсками Северной Области, генерал-лейтенант В.В.Марушевский (*Марушевский В.В. Год на Севере*. (Август 1918 г. — август 1919 г.) // Белое Дело. Летопись Белой Борьбы. — [Кн.] III. — [Берлин]: книгоиздательство «Медный Всадник», 1927. — Стр. 52).

² Соколов Б.Ф. Падение Северной Области // Архив Русской Революции, издаваемый И.В.Гессеном. — [Т.] IX. — Берлин, 1923. — Стр. 16.

³ Там же. — Стр. 19.

⁴ Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной Области // Архив Русской Революции. — [Т.] III. — 1921. — Стр. 71.

⁵ Послужной список Капитана 90-го пехотного Онежского полка Костанди. Составлен 20 июля 1915 года. — РГВИА. Ф. 409, оп. I, д. 184170, лл. 102 — 104.

⁶ Высочайший приказ, состоявшийся 24 февраля 1915 года. — Библиотека РГВИА, инв. № 14796, л. 626 об. Этим приказом утверждалось награждение, сделанное приказом по VIII-ой Армии 26 ноября 1914 года за № 210 (см.: Послужной список... — Л. 110).

⁷ Список Генерального Штаба. — Пг.: Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1917. (Библиотека РГВИА, инв. № 51163, л. 131). Автор благодарит за консультацию В.М.Шабанова.

⁸ *Марушевский В.В.* Указ. соч. // Белое Дело. — [Кн.] I. — 1926. — Стр. 38.

⁹ То же // Белое Дело. — [Кн.] II. — 1927. — Стр. 24. При переиздании воспоминаний Марушевского (в кн.: *Белый Север. 1918 — 1920 г.* Мемуары и документы. — Вып. I. — Архангельск, 1993) в этом месте (стр. 237) допущена опечатка: «280» вместо «800», — хотя итог подведен, как в первоисточнике.

¹⁰ То же // Белое Дело. — [Кн.] I. — Стр. 38. Возможно, под «поиском новых путей» имелись в виду высказывания Л.В.Костанди, подобные зафиксированному Б.Ф.Соколовым: «Они (Командование русскими войсками Северной Области. — А.К.) позабыли, что война гражданская не похожа на ту, о которой пишут в учебниках стратегии» (Соколов Б.Ф. Указ. соч. — Стр. 28), — мысль вполне разумная и подтвержденная всем опытом войны, в т.ч. и на Севере...

¹¹ См.: Соколов Б.Ф. Указ. соч. — Стр. 45, 65.

¹² На известных нам копиях письма адресат не указан, однако, скорее всего, им был сам Главнокомандующий генерал Миллер, наложивший на письмо свою резолюцию (см. ниже). Личный (неофициальный) характер письма подтверждается как обращением, так и тем, что вместо углового штампа с указанием занимаемой должности, письмо помечено лишь: «Русского Генерального Штаба Полковник (в копии — «Полковника» — А.К.) Костанди».

¹³ По сведениям В.Л.Юшко (частное сообщение), приказ о награждении состоялся 26 апреля 1919 года, хотя вручение знаков Ордена могло, конечно, произойти и позже.

¹⁴ Так передано английское сокращение D.S.O. (Distinguished Service Order). Ср. ниже, в резолюции генерала Миллера: «орден Д.О.».

¹⁵ Возможно, имеется в виду речь бригадного генерала Айронсайда (W.E.Ironside), исполнявшего должность Главнокомандующего союзными вооруженными силами на Севере России, 12 ноября 1918 года. В «Вестнике Временного Правительства Северной Области» (№ 31 от 16 ноября) соответствующее место речи Айронсайда было передано так: «... Вся наша энергия должна быть направлена к созданию и организации этой армии (русской. — А.К.), [...] дабы она могла занять подобающее место среди союзных сил в предстоящей борьбе с большевизмом, и могла бы также удержать порядок в стране после того, как союзники уедут на родину, куда они бесспорно уедут, как только выполнят у вас свою задачу, будь это через месяц или, быть может, в зависимости от обстоятельств, через несколько лет» (цит. по публикации в сборнике: Белое Дело. — [Кн.] III. — Стр. 53, 54).

¹⁶ Добровольский С.Ц. Генерал Миллер как один из руководителей Белого Движения // Часовой. Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. — № 209. — Брюссель, 1938. — Стр. 9.

¹⁷ РГВА. Ф. 33988, оп. 1, д. 109, лл. 54 и об., 55. В сущности, документ подшит не на свое место, оказавшись среди документов, составленных не в момент снятия этой копии, а в момент написания оригинала. Первоначально и письмо полковника Костанди, и ответ на него были выявлены по нашей просьбе Н.Д.Егоровым в буквальном смысле слова в «россыпи» (РГВА. Ф. 39450, оп. 1, д. 246, без нумерации листов); это были экземпляры той же машинописной копии. Оригиналы документов пока неизвестны.

¹⁸ «Особенно был трудный момент осенью 1919 г., — признавал член Реввоенсовета наступавшей на Архангельск VI-ой Армии «товарищ» Н.Н.Кузьмин, — когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковни-

ка генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе жел[езной] дороги и захватил станцию Плесецкую...» (Кузьмин Н.Н. Борьба за Север // Гражданская война. 1918 — 1921. — Т. I. Боевая жизнь Красной Армии. — М.: издательство «Военный Вестник», 1928. — Стр. 230).

¹⁹ Соколов Б.Ф. Указ. соч. — Стр. 65.

²⁰ Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив Русской Революции. — [Т.] XIV. — 1924. — Стр. 81, 82.

²¹ Зеленов Н.П. Трагедия Северной Области. (Из личных воспоминаний). — Париж, 1922. — Стр. 50.

²² Данилов И.А. Указ. соч. — Стр. 71. Здесь же генерал Данилов отмечает: «Я был очень удивлен, видя его оставшимся в Архангельске, мне совершенно было это не понятно, так как он, по моему мнению, по своим убеждениям не мог перейти к большевикам».

²³ Там же. — Стр. 82.

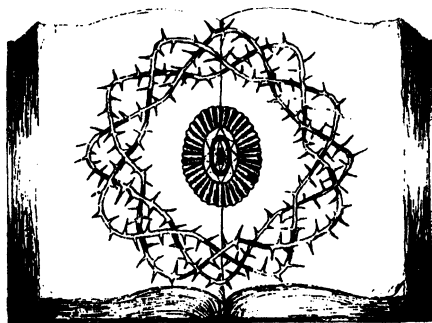
²⁴ Соколов Б.Ф. Указ. соч. — Стр. 78.

²⁵ Данилов И.А. Указ. соч. — Стр. 82.

²⁶ См. об этом: Данилов И.А. Указ. соч. — Стр. 82; Соколов Б.Ф. Указ. соч. — Стр. 80, 81. Напомним, что сама принадлежность к большевицкой партии (как к «преступному сообществу, направленному на подрыв законной власти») входила в сферу действия Уголовного Уложения.

²⁷ Свидетельство генерала Данилова (Указ. соч. — Стр. 81, со ссылкой на «достоверных людей»). И.А.Данилову удалось вырваться из Совдепии в марте 1922 года (по сведениям В.И.Голдина. См.: Белый Север. — Вып. II. — 1993. — Стр. 243), а воспоминания свои он датировал 15 июля 1923 года. Таким образом, у генерала было достаточно времени для проверки (как в Совдепии, так и за границей) сведений о Л.В.Костанди, чья судьба, без сомнения, его интересовала и волновала.

28. Данилов И.А. Указ. соч. — Стр. 82.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 7 (136)

1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА († 2 июня ст.ст. 1915 г.)	1
<i>С.В.Вакар</i> СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАВАЛЕРИИ	2
<i>А.Махалин</i> ПЕРВЫЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР РУССКОЙ АВИАЦИИ К 110-летию со дня рождения В.М.Ткачева	4
<i>В.Шулдяков</i> ДЕЛО ПОД АРДАГАНОМ. Сибирские казаки на службе Отечеству	12
<i>А.Васильев</i> ЧЕРНИГОВСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК В КАВАЛЕРИЙСКОЙ АТАКЕ ПРИ ОЛЕШИЦЕ 2 ИЮНЯ 1915 ГОДА	19
РИСУНКИ ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА	23
«... ЭТИ МРАЧНЫЕ ДЛЯ НАС ГОДЫ» (Неизвестное письмо генерала Н.Н.Мартоса)	28
<i>В.Чичерюкин-Мейнгард</i> СУДЬБА ГЕНЕРАЛА Д.К.ГУНЦАДЗЕ	31
<i>В.Дуров</i> ЗАГАДОЧНЫЕ РИСУНКИ	36
<i>К.Стрельбицкий</i> КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА	38
МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ. ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА КОНТР-АДМИРАЛ Н.Н.МАШУКОВ	41
ДОКУМЕНТ ИЗ «РОССЫПИ» «Я ПРЕПРОВОЖДАЮ ВАМ ЗНАКИ ОРДЕНА...»	44

Главный редактор **А.КРУЧИНИН**

Соучредители **А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А.КРУЧИНИН**

Художники **А.ПЕТРОВ, И.ШИРЯКОВ**. В оформлении журнала, с любезного разрешения
Д.В.Орехова, использованы иллюстрации из журнала «Часовой» 1930-ых гг.

© «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», 1995

Адрес редакции. 109457, Москва, ул. Ф.Полетаева, д. 8, корп. 2, кв. 46.

Перепечатка только с разрешения редакции.

При перепечатке ссылка на «Военную Быль» обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и
массовой информации. Свидетельство о регистрации № А-0154 от 10 декабря 1992 г.

Типография ГПИБ. Заказ 192. Тираж 250 экз.